Имеет ли марксизм научную основу? Анархистская критика диалектики

Народная Самооборона

2010е

Оглавление

1. Диалектический материализм. 4

2. Диалектика 5

3. Терминологические трудности диалектики и “законы универсального развития” 7

4. Противоречие. Логика и диалектика. 9

5. Абстрактное и конкретное противоречие. 12

6. Диалектика против математики. Количество и мера. 22

7. Закон перехода количества в качество. Скачок. 26

8. Диалектика Гегеля и диалектика марксистов 32

9. Противоречие в логике и диалектике. Марксистская диалектика. 34

10. Закон единства и борьбы противоположностей. 43

11. Закон отрицания отрицания. 45

12. Диалектическая триада. 50

13. Цикличность развития. 51

14. Диалектический метод. 52

15. Анархизм и диалектика. Эмпиризм, позитивизм и индуктивно-дедуктивный метод 60

16. Позитивизм 63

17. Научный метод. 69

18. Итоги. Научна ли диалектика? 80

19. На чём должна основываться революционная теория? 85

Примечание публикатора:

Статья была откопана из веб-архива одной анархистской организации 2010-х годов. Содержание ее кажется весьма глубоким. Видно, что автор хорошо разбирается в марксизме и в философии. Автор ее, очевидно, анархист. Цель работы – не оставить камня на камне от одного из столпов марксизма – диалектическом методе. Несмотря на критический тон всей статьи, автор предлагает, что особенно ценно, некоторые ориентиры при построении настоящей современной революционной теории.

Приятного чтения!

Первая статья из нашего цикла о марксизме, посвящена диалектическому материализму. Каждая политическая теория основана на каких-либо философских, социологических или экономических теориях. Основа марксизма – диалектика. Диалектика является ключевой теорией в марксизме – именно её зовут “научным методом”, и именно на ней построена вся система марксизма, включая экономическую и политическую теорию. Поскольку марксисты агрессивно-навязчиво рекламируют диалектику как “научную теорию”, противопоставляя её “ненаучному анархизму”, мы написали большую статью с разбором диалектики, действительного научного метода, применяемого в научном сообществе (как ни странно, ничего общего с диалектикой не имеющего) и метода, применяемого основоположником анархокоммунизма Петром Кропоткиным.

1. Диалектический материализм.

Философская основа марксизма представляет из себя критическое развитие Марксом и Энгельсом идей немецких философов – диалектики Гегеля и материализма Фейербаха. Соединив диалектику и материализм и критически развив их, марксисты назвали свою теорию диалектическим материализмом.

2. Диалектика

Диалектика – это философская система, выдвигающая несколько “всеобщих законов развития”, применимых абсолютно ко всему – к природе и социуму, к истории и математике, к литературе и экономике, к живой природе и неживой… Диалектика в современном виде была разработана в начале XIX века немецким философом Гегелем. Гегель, являясь страстным сторонником идеалистического подхода полагал, что весь мир является лишь сознанием. Доказать эту точку зрения при помощи логики представлялось абсолютно невозможным, а потому Гегель был вынужден отказаться от обычной логики, и создать собственный метод, с помощью которого было бы можно обосновать, что наш мир является Абсолютным Разумом. Сама логика, говорит Гегель, является идеальным способом познания мира… но он доступен только Абсолютному Разуму, обладающему всей полнотой знания. Субъективному человеческому разуму, однако, в деле познания вселенной логика не поможет, мы не сможем понять вселенную посредством обычной логики. Потому Гегель применяет для познания Абсолютного Разума диалектику. При этом он предупреждает, что диалектический метод не должен применяться в обычной жизни, где подходят правила логики. Диалектический метод применяется им для познания вопросов основ бытия в его идеалистической манере. Марксизм, однако, переняв диалектику, перевернул это положение, и объявил о применимости диалектики во всех сферах бытия и сознания. То есть, по сути, инструмент, который самим создателем предполагался не для реальной жизни, но для абстрактных изолированных размышлений о некоем Абсолютном Разуме, охватывающем всё сущее, был перенят марксистами с отрицанием идеалистических выводов диалектики, и применим к реальной жизни. Это подобно тому, как некий теолог использовал бы Библию для познания бога, но атеисты, отрицающие само существования бога переняли бы Библию для познания сущности бутерброда с колбасой.

То есть с самого начала диалектика являлась антинаучным инструментом. В науке, если факты не соответствуют теории, отвергается теория. Гегель же поступил наоборот, и когда теория не сошлась с фактами, он изобрёл такой метод, который бы доказал, что его теория сходится с фактами. Это подобно тому, как если бы Гегель утверждал, что огонь является жидкостью. Однако это утверждение противоречит фактам. И вместо того, чтобы отказаться от своего утверждения, Гегель отказывается от научных методов, от общеупотребительных терминов, и заменяет их такими методами, так изменяет термины, и так произвольно подбирает их, что на выходе в рамках его рассуждения огонь становится жидким. В реальной жизни огонь от этого жидким не становится, но если в рассуждениях теперь всё сходится – значит, огонь жидкий. Аналогичным образом Гегель доказывал свою точку зрения о том, что наш мир является сознанием. Маркс и Энгельс с его точкой зрения были не согласны, и не разделяли положение о том, что наш мир – сознание. Однако инстру-

мент доказательства Гегеля они сочли необычайно удобным, и решили взять его на вооружение. Вооружившись методом Гегеля, они начали доказывать совершенно противоположное тому, что доказывал сам Гегель. Казалось бы, уже одно это должно вызывать вопросы насчёт применяемого метода и его “научности”. Ведь если из одного метода вытекают два взаимоисключающих утверждения, то значит что-то с этим методом не так. Но это аргумент для обычной логики, а диалектика её отрицает.

Суть диалектики сводится к тому, что весь мир представляет собой единый процесс, постоянно развивающийся и никогда не пребывающий в некоем застывшем состоянии. Из чего очевидно, что нельзя представить некое абсолютное, идеальное состояние, как это делают многие утописты. И, соответственно, рассматривать человеческую историю, те или иные её события или политические или экономические системы, нужно не как застывшую систему в вакууме, но как развивающуюся систему, как процесс. Ничего не остаётся неизменным – всё в этом мире развивается в соответствии с внутренними “универсальными законами развития”, и в сочетании со всеми прочими процессами. Каждое явление развивается не в себе самом, но во взаимодействии со всеми прочими явлениями. И это вполне верное предположение, с которым трудно не согласиться – все происходящие процессы влияют друг на друга, и через друг друга – на все прочие. Не существует абсолютно замкнутых процессов в себе, всё взаимосвязано, и рассматривать отдельное явление нужно не “в вакууме”, но во взаимодействии с остальным миром.

Общий посыл диалектики вполне верен, и с ним нельзя не согласиться.

3. Терминологические трудности диалектики и “законы универсального развития”

Проблемы начинаются, когда диалектика формулирует “универсальные законы развития”, общие для абсолютно всего в этом мире – камня, жука, поэзии, капитализма, тени от здания общественной библиотеки, удара клюшки, человека, облака, мысли и дуновения ветра. Энгельс выводит три основных закона диалектического развития. Эти законы сами по себе сформулированы весьма туманным образом. Трудность их понимания заключается в том, что диалектики используют общеупотребляемые термины, но вкладывают в них совершенно иные значения. При этом они совершают жонглёрский трюк, который позже перекочует в марксизм и большевизм: они используют определенный термин, употребляемый всем миром, в своём специфическом значении. При этом они не отрицают, строго говоря, общепринятое значение этого термина. Просто параллельно общепринятому термину они создают свой термин, означающий совершенно иное. А затем, в ходе своего рассуждения, диалектики и марксисты произвольно могут прибегать к термину в нужном им значении – в своём, специфическом, или же в общеупотребительном. Более того, в ходе одного и того же рассуждения один и тот же термин может резко изменяться по своему значению и использованию.

Например, сперва можно использовать термин “противоречие” в общеупотребительном смысле, как несовместимость. А затем – в диалектическом смысле как “различие”. “Конечно, в моём рассуждении содержится противоречие (несовместимость, взаимоисключаемость). Но противоречие (различие) содержится во всём в этом мире, так что противоречивость моего утверждения не доказывает его неправоты”.

Или же мы можем сравнить употребление терминов в диалектике с таким словом, как “кисть”, которое может означать художественную кисточку, кисть винограда, часть человеческой руки. В логике, когда мы говорим “кисть”, мы чётко понимаем, о чём речь. Невозможен прыжок от употребления “кисти” в одном смысле к употреблению в другом, кроме как в юмористическом смысле игры слов. Например, мы не можем сказать: “Кисть необходима художнику для осуществления творческого процесса. Потому я купил тебе кисть винограда”. Мы поймём, что говорящий это совершает логическую ошибку либо же произносит плохую шутку. Диалектика, а следом за ней марксизм, это игнорируют. В диалектике если кисть необходима художнику, то это может быть любая кисть. Марксистская идеология переполнена такими подменяющими друг друга тезисами (например, в части о политическом марксизме мы рассматриваем подобные суждения Ленина о диктатуре).

Такое жонглирование терминами становится возможным благодаря самому диалектическому методу применения терминов. В диалектике, начиная с Гегеля, принято создавать максимально широкие понятия, обозначая их общеупотребительным термином. Таким образом, одним словом обозначаются два совершенно разных понятия. Но диалектики применяют этот термин в обоих своих значениях – они наделяют термин двойным значением, приписывают термину дополнительные свойства. Это даёт им большую свободу действий и аргументации – когда в споре о некоем явлении диалектика проигрывает, всегда можно ввести собственное понимание этого термина, и обосновать таким образом, что чёрное – это белое, а оппонент просто не понимает диалектического значения обсуждаемого термина. Потому нужно крайне осторожно подходить к вопросу понимания диалектики. Мы видим в марксизме и диалектике привычные нам термины, и можем быть введены в заблуждение, прочитав их так, как их читал бы обычный человек. До поры и диалектик будет разговаривать с нами как обычный человек, используя обычную логику и обычное значение слов. Но, когда обычная логика не поможет диалектику доказать свою правоту, он введет в значение специфическое диалектическое значение терминов, которые на деле означают совсем иное, нежели общеупотребительный термин, но со стороны выглядит таким образом, что диалектик продолжает разговор о том же самом предмете, о котором говорил минуту назад. Потому прежде чем изучать диалектику, нужно позабыть собственное понимание таких терминов, как “противоречие”, “противоположность”, “отрицание”, “качество”, и не пытаться понять их в обычном смысле.

Итак, три “универсальных закона развития” диалектики, применимых ко всему сущему и мыслимому, были сформулированы Фридрихом Энгельсом. Еще раз – не пытайтесь предполагать, что они могут значить, не поняв диалектическую трактовку терминов.

1) Закон единства и борьбы противоположностей.

2) Закон перехода количества в качество.

3) Закон отрицания отрицания.

4. Противоречие. Логика и диалектика.

“Закон” единства и борьбы противоположностей гласит, что любой предмет, процесс или явление в этом мире являет из себя единство двух противоположностей, взаимоисключающих друг друга. И именно борьба этих противоположностей и обуславливает внутреннее развитие предмета-процесса-явления.

Сам тезис о борьбе противоположностей как основе развития представляется разумным. Но, скорее, можно было бы сказать, что борьба противоположностей является, во-первых, лишь одним из источников развития, которое может осуществляться не только в борьбе, а во-вторых, может иметь последствиями не только развитие, но и вообще любой итог. То есть более верно было бы сформулировать положение таким образом, что борьба противоположностей может являться источником развития.

Идея же о том, что основой каждого предмета и процесса является единство противоположностей кажется абсурдной, если воспринимать её с точки зрения общеупотребительного термина “противоположность”. Тогда мы получим что-то вроде “каждое явление получается в результате совмещения несовместимого и объединения взаимоисключающего”. Однако, как было сказано, диалектические термины не нужно пытаться понять в общеупотребительном, нормальном человеческом смысле. “Противоположность”, “противоречие” трактуется в диалектике (когда это нужно) гораздо более широко.

Что значит противоречие, противоположность? У Энгельса и Маркса мы не найдём четкого понятия – они просто произвольно вставляют в качестве противоречия всё, что удобно. Если же за прояснениями обращаться к Гегелю, у которого диалектический метод и был позаимствован отцами марксизма, то получится нечто вовсе неприличное. Гегель при помощи созданного им диалектического метода доказывал, что бытие и ничто есть одно и тоже, и притом – противоположности друг друга, образующие вместе субстанцию этого мира.

Бытие и ничто отрицают друг друга, противостоят друг другу, подразумевают друг друга, являются одним и тем же, и не являются одним и тем же. И всё это сразу и одновременно. Такова суть “научного метода” диалектики:

> “Чистое бытие и чистое ничто есть, следовательно, одно и то же. Истина – это не бытие и не ничто, она состоит в том, что бытие не переходит, а перешло в ничто, и ничто не переходит, а перешло в бытие. Но точно так же истина не есть их не-различённость, она состоит в том, что они не одно и то же, что они абсолютно различны, но также нераздельны и неразделимы и что каждое из них непосредственно исчезает в своей противоположности. Их истина есть, следовательно, это движение непосредственного исчезновения одного в другом: становление; такое движение, в котором

они оба различны, но благодаря такому различию, которое столь же непосредственно растворилось".

Стоит ли говорить, что при подобном широком толковании всё, что бы мы не предположили в качестве противоречия, не будет верным? Или, говоря с точки зрения диалектики, будет верным и неверным одновременно? Суть диалектики, в определенном смысле, как раз и заключается в том, чтобы избегать ясности и давать как можно более туманные ответы. В приведённой выше цитате Гегель рассматривает "чистые", абстрактные понятия. Если на основе этого мы попытаемся вывести формулу "чистого" противоречия, взяв противоречия за А и -А, то мы получим, что А=-А≠А

То есть А≠А, А и не А вовсе. Такого не может быть ни в логике, ни в математике. Но "сила" диалектики как раз в отрицании и логики, и математики.

Научно, если утверждение противоречит само себе и не соответствует фактам, оно не может быть принято. Гегель же находит выход… в отрицании логики. Если его утверждение не соответствует логике – значит неверно не его утверждение, а логика. Потому Гегель отрицает обычную логику, и вводит вместо нее логику диалектическую, согласно которой любое явление есть единство противоположностей и взаимоисключающих процессов и утверждений. Обычная же логика "*лишена того содержания, которое признается в обыденном сознании реальностью и некой истинной сутью*". Гегель критикует нормальную человеческую формальную логику за то, что она является лишь методом анализа и обработки информации, а для получения конечных выводов ей нужны конкретные, взятые откуда-то извне данные. Подобно тому, как математике, являющейся методом, для точного решения a+b нужны какие-то данные о том, что такое a, и что такое b, как они соотносятся (например, a=2b), или, еще лучше, что они из себя представляют (например, a=2, а b=4), так и логике необходимы такие данные. Иначе логика и математика могут определить лишь общие правила (например, предположить «c», которое являет из себя сумму a и b, и вывести отношения c, a и b). Это Гегеля не устраивает. Он уверен, что логика должна давать точное представление о материи без знания материи, поскольку материя, в его представлении, есть лишь продолжение мышления. То есть, мы должны точно назвать точное число, которому равняется x, ничего об этом x не зная. Потому Гегель создаёт современную диалектическую логику, которая есть, таким образом, представление о том, что мы способны постичь мир и свойства материи чисто философским размышлением, без знания о конкретных материях. Диалектика предстаёт здесь как крайний идеализм, псевдонаука, выводящая конкретное материальное из абстрактного предполагаемого. И в таком виде она сохранится не только у идеалиста Гегеля, но и гораздо более поздние марксистские диалектики-материалисты, такие как Ильенков, будут утверждать, что диалектический метод – это переход от абстрактного к конкретному.

В соответствии с "улучшенной" логикой Гегеля, противоречивость утверждения есть признак его верности. Отсутствие противоречий, целостность утверждения же есть признак его "метафизичности", игнорирования процессов реальной жизни и их взаимосвязи между собой.

Таким образом, выход найден. Это подразумевает расплывчатость и неопределенность диалектики, с помощью которой А может быть и не А вовсе и означать совершенно различные данные и понятия.

В этом есть действительный метод диалектики, имеющей по своему существу глубоко антинаучную основу, беря за основу не реальные факты, с которыми сверяются теории, но теорию, под которую подгоняются факты. Но диалектика становится от этого крайне простым и удобным методом, предоставляющим диалектику огромный набор инструментов и полную свободу действий в их применении.

5. Абстрактное и конкретное противоречие.

Когда же речь заходит о конкретном бытии и конкретном ничто, ситуация меняется. Гегель признает, что его абстрактное противоречие не применимо в обычной жизни. Нельзя же полностью серьёзно утверждать, что наличие и отсутствие конкретной вещи в конкретном случае есть одно и тоже. Что, например, наличие и отсутствие ножа в теле есть, по сути, одно и тоже. То есть положение диалектики противоречит логике, и потому мы должны отринуть логику и принять положение диалектики. Но положение диалектики противоречит и реальности, и потому для реальности диалектика должна подобрать другое положение. В чем тогда смысл теоретического положения? Чем оно обосновывается, если оно противоречит как логике, так и действительности? Обычная логика опровергается как недействующая в реальной жизни положением, которое само не работает в реальной жизни.

То есть всё целиком зависит от нашего знания или незнания объекта. Если мы берём неопределенные, абстрактные данные, то A=-A≠A. И это верно, говорит Гегель. Но если мы возьмем определенное, конкретное А, то это положение будет уже неверным:

> “Ничто обычно противопоставляют [всякому] нечто; но нечто есть уже определенное сущее (Seiendes), отличающееся от другого нечто; таким образом и ничто, противопоставляемое [всякому] нечто, есть ничто какого-нибудь нечто, определенное ничто. Но здесь должно брать ничто в его неопределенной простоте. – Если бы кто-нибудь считал более правильным противопоставлять бытию не ничто, а небытие, то, имея в виду результат, нечего было бы возразить против этого, ибо в небытии содержится соотношение с бытием; оно и то и другое, бытие и его отрицание, выраженные в одном, ничто, как оно есть в становлении. Но прежде всего речь должна идти не о форме противопоставления, то есть одновременно и о форме соотношения, а об абстрактном, непосредственном отрицании, о ничто, взятом чисто само по себе, о безотносительном отрицании, – что, если угодно, можно было бы выразить также и простым не (Nicht)”.

То есть мы имеем два утверждения:

Чистое, абстрактное, неопределенное бытие (А) и ничто (-А) есть одно и тоже, не одно и тоже, несовместимое и неразделимое. Верными являются утверждения A=-A, A≠A, -A≠A

Конкретное, определенное бытие-нечто (А) имеет конкретное же, определенное ничто-небытие как -нечто (-А). Здесь мы уже не можем утверждать о равенстве и неравенства А и -А, а лишь констатировать -А как противоположность А.

То есть критикуя логику, потому что логика даёт нам только метод, где все А и -А соотносятся одинаково независимо от нашего знания о них, диалектика предлагает взамен “научный метод”, в котором сам факт нашего знания о предмете меняет его формулу. Если А является неизвестным для нас (абстрактным, неопределенным), то верна вышеизложенная абстрактная формула А=-А≠А. Но если А является известным для нас (конкретным, определенным), то тогда формула уже не верна.

Внутреннее противоречие. Противоречие как количественная мера и как взаимодействие противоположностей.

Каждое конкретное бытие-нечто содержит в себе самом и конкретное ничто. Каждое ничто есть ничто какого-то определенного бытия. То есть, например, тьма для Гегеля – это отсутствие света. Тьма=-свет. Тьма – это отрицание света, и именно это отрицание придаёт тьме собственное бытие. А свет – это отрицание тьмы, отрицание отрицания света. Свет = -тьма = -(-свет).

Однако и свет может быть более ярок, содержать больше света, а может быть менее ярким, содержать меньше света, то есть больше отрицания света. То есть содержать одновременно в разных пропорциях и свет, и отрицание света. В чистом свете или в чистой тьме мы не увидим ничего. Возможность увидеть что-то появится только тогда, когда свет будет разбавлен отрицанием света, а тьма – отрицанием тьмы.

> “в абсолютной ясности мы столько же много и столь же мало видим, как и в абсолютной тьме, что и то и другое видение есть чистое видение, то есть ничегоневидение. Чистый свет и чистая тьма – это две пустоты, которые суть одно и то же. Лишь в определенном свете – а свет определяется тьмой, – следовательно, в помутненном свете, и точно так же лишь в определенной тьме – а тьма определяется светом, – в освещенной тьме можно что-то различать, так как лишь помутненный свет и освещенная тьма имеют различие в самих себе и, следовательно, суть определенное бытие, наличное бытие”.

Таким образом Гегель и выводит, что бытие и ничто суть одно и тоже и противоположное, взаимоисключающее друг друга и подразумевающее друг друга. И вместе с тем, каждое конкретное бытие-нечто является и конкретным ничем своей противоположности, того, через отрицание чего мы определяем это нечто. Например, холод является “ничем” тепла, отрицанием тепла, его противоположностью.

Единство в одном конкретном бытии взаимоисключающих и подразумевающих друг друга нечто и ничто и есть пример внутреннего противоречия.

> “наличное бытие ничто (des Nichts) вовсе-де не присуще ему самому, оно, само по себе взятое, не имеет в себе бытия, оно не есть бытие, как таковое; ничто есть-де лишь отсутствие бытия; так, тьма – это лишь отсутствие света, холод – отсутствие тепла и так далее. Тьма имеет-де значение лишь в отношении к глазу, во внешнем сравнении с положительным, со светом, и точно так же холод есть нечто лишь в нашем ощущении; свет же, тепло, как и бытие, суть сами по себе объективное, реальное, действенное, обладают совершенно другим качеством и достоинством, чем указанные

отрицательные [моменты], чем ничто. Часто приводят как очень важное соображение и значительное знание утверждение, что тьма есть лишь отсутствие света, холод – лишь отсутствие тепла. Относительно этого остроумного соображения можно, оставаясь в этой области эмпирических предметов, с эмпирической точки зрения заметить, что в самом деле тьма оказывается действенным в свете, обусловливая то, что свет становится цветом и лишь благодаря этому сообщая ему зримость, ибо, как мы сказали раньше, в чистом свете так же ничего не видно, как и в чистой тьме. А зримость есть такая действенность в глазу, в которой указанное отрицательное принимает такое же участие, как и свет, считающийся реальным, положительным; и точно так же холод дает себя достаточно почувствовать воде, нашему ощущению и так далее, и если мы ему отказываем в так называемой объективной реальности, то от этого в нем ничего не убывает. Но, далее, достойно порицания то, что здесь, как и выше, говорят о чем-то отрицательном, обладающем определенным содержанием, идут дальше самого ничто, по сравнению с которым у бытия не больше и не меньше пустой абстрактности. – Однако следует тотчас же брать холод, тьму и тому подобные определенные отрицания сами по себе и посмотреть, что этим положено в отношении их всеобщего определения, с которым мы теперь имеем дело. Они должны быть не ничто вообще, а ничто света, тепла и так далее, ничто чего-то определенного, какого-то содержания; они, таким образом, если можно так выразиться, определенные, содержательные ничто. Но определенность, как мы это еще увидим дальше, сама есть отрицание; таким образом, они отрицательные ничто; но отрицательное ничто есть нечто утвердительное. Превращение ничто через его определенность (которая раньше представала как некое наличное бытие в субъекте или в чем бы то ни было другом) в некоторое утвердительное представляется сознанию, застревающему в рассудочной абстракции, как верх парадоксальности; как ни прост взгляд, что отрицание отрицания есть положительное, он, быть может, именно из-за самой этой его простоты представляется чем-то тривиальным, с которым гордому рассудку нет поэтому надобности считаться, хотя это имеет свое основание, – а между тем оно не только имеет свое основание, но благодаря всеобщности таких определений обладает бесконечным распространением и всеобщим применением, так что все же следовало бы с ним считаться”.

Таким образом, именно взаимодействие двух взаимоисключающих противоположностей и даёт нам конкретные явления. Здесь противоположность рассматривается как противоположная тенденция, подразумевающая отсутствие рассматриваемого объекта. Внутреннее противоречие в диалектике – это своего рода количественный показатель, насколько предмет соответствует своему определенному свойству. Например, насколько ярко светит лампочка, насколько много тепла даёт печка и так далее. Чем меньше света даёт лампочка, тем больше своего отрицания, противоречия её свет содержит.

> “Противоречие, проявляющееся в противоположении, есть лишь развитое ничто, содержащееся в тождестве и встретившееся у нас в том выражении, что начало тождества не говорит ничего. Это отрицание определяет себя далее как различие и противоположение, которое и есть положенное противоречие”.

То есть формулу внутреннего противоречия можно выразить так:

A – абсолютное, чистое свойство. A=100% свойства. Возьмём A за 1

B – противоположное абсолютное, чистое свойство, воспринимаемое как полное отсутствие A. B равняется -A, то есть -1

a – конкретное бытие A, находящееся не в чистом своем виде. Количество в нем свойства A выразим «y», которое больше нуля (так как a это конкретное бытие A) но меньше единицы (так как a не является абсолютным A).

Также мы возьмём x. x – это та составляющая B, противоположности A, которая заложена в «a». Это разница между «y» и A.

Положим, «y» равняется 0,31. Тогда a на 0,31 будет являться A. x=A-y=0,69. «a» на 0,69 является B. «a» (конкретное бытие) сочетает, таким образом, A (чистое бытие), находящееся во взаимодействии с B (своей противоположностью).

a=A+xB=1-0,69=0,31

Конкретное бытие, согласно диалектике Гегеля, есть взаимодействие двух противоположностей, находящихся не в чистом виде, но в разных пропорциях. То есть свет от лампы есть взаимодействие света и тьмы, поскольку если бы в нем не было тьмы, то он стал бы абсолютным ярким светом, и рассмотреть в нем можно было бы не больше, чем в абсолютной тьме.

Таков философский подход к явлению. В действительности же, если мы отбросим все эти витиеватые философские рассуждения, и посмотрим на суть вопроса, то увидим, что Гегель таким образом “изобретает” понятие количества. Всё, что означает его утверждение – свойства имеют количественную величину, одно и тоже свойство может проявляться в большей или меньшей степени. И затем на это утверждение нагромождается философская белиберда о том, что чем меньше предмет содержит своего свойства – тем больше в нем его противоположности. Гегель, будучи философом, выражал свои мысли максимально запутанным и изуверским языком. Но даже он понимал, что такой метод годится только в философии. Если мы перенесем его в реальный мир, то он не будет пригоден. Мы не говорим “эта лампочка даёт три пятых части света и две пятые части тьмы” или “на улице 20% тепла и 80% холода”. Мы даже вообще не можем это определить, поскольку тепло и свет не содержат никакой предельной величины, которую мы могли бы определить как стопроцентный свет или стопроцентное тепло. Мы пользуемся для определения тепла не количеством холода в нем, но градусами Цельсия. Для определения силы света мы пользуемся не соотношением тьмы и света в лампочке, а специальной единицей “кандела”. И мы, конечно, знаем, что яркость освещения регулируется не вытеснением из света тьмы, а мощностью источника освещения. Метод, применяемый диалектикой для формулирования самой себя – абсолютно ненаучен. Нет такой единицы измерения “отрицание себя”. Сам этот посыл ошибочен с самого своего начала, и “противоречие” Гегеля, таким образом, не может быть принято в качестве “научного метода”.

Диалектика рассматривает все предметы и каждое их свойство как сосуд, содержащий некую стопроцентную величину, распадающуюся на две противоположности. То есть если бутылка на одну треть заполнена водой, диалектика скажет, что бутылка на две трети заполнена отрицанием воды, а в самой бутылке идёт борьба между двумя противоположностями – наличием воды и её отсутствием. Вода в бутылке одновременно существует и не существует. Эти два свойства взаимно исключают друг друга, но также и подразумевают. Если воды только треть бутылки, то подразумевается, что оставшиеся две трети – нечто иное. Касаемо всей ситуации логика бы сказала, что часть бутылки заполнена водой. Математика бы сказала, что бутылка заполнена водой на 1/3. Диалектика утверждает, что бутылка и пуста, и наполнена водой, но в разных соотношениях, и в этом её противоречие.

Гегель остаётся еще в области философского размышления – он ведь предупреждал, что в обычной жизни нужно пользоваться логикой. Социалисты же позже – сперва анархисты, а после и марксисты – перенесут этот метод в область практики и реальной жизни. Прудон, а затем Маркс используют диалектику для объяснения экономических процессов.

Например, предположим, что рабочий производит продукта на три тысячи рублей, а получает полторы тысячи рублей. Можно сказать, что произведенная им стоимость распадается на две части. На ту, что достается ему, и на ту, что присваивается капиталистом. А присвоенное капиталистом распадается на то, что остаётся у него, и что идёт кредиторам. И подобным образом распадается каждое из вновь вскрываемых противоречий. И их то нужно обнаружить и поделить вновь.

Проблема в том, что это тяжело назвать неким открытием – это обычная математика, высчитывающая проценты. Единственное, что привнесла диалектика – положение о полярности, о противоположности разных составляющих, и обозначение их “противоречием”. При этом:

1) В реальной жизни составляющие не обязательно противоположны (если только не натягивать расширенное до бесконечности диалектическое понимание противоречия как того, что не является объектом).

2) Противоположных друг другу сторон может быть более двух, и принцип полярности здесь не работает. Диалектика в этом случае объединяет два совершенно разных явления в одно, и объявляет их частями целого. Например, в гражданскую войну в России было множество сторон – как реакционных, так и революционных. Большевики-диалектики объединили все стороны, противостоящие им, в одну, и обозначили её контрреволюцией. А дальше уже внутри контрреволюции свои противоречия. Этот взгляд субъективный. Таким образом мы можем любые совершенно непохожие явления произвольным образом объединить в одно.

3) Сторонники диалектики утверждают, что это положение действительно во всём. Однако математически утверждения Гегеля противоречат сами себе. Мы можем вывести формулу внутреннего противоречия, и использовать её в том, что касается точных наук, однако по факту это будет лишь переизобретением процентных вычислений. Более того, в точных науках диалектический метод процентного вычисления можно использовать только там, где есть некая конечная сумма, которая составляет 100%. В температуре или силе света мы не можем использовать это. Мы не можем

использовать процентные вычисления, чтобы понять, сколько на улице процентов тепла, и сколько холода.

4) Если же использовать диалектику в неточных науках, и пытаться применить диалектический метод к литературе, прозе и так далее, то здесь обозначение противоречий и полярностей будет зашкаливать и осуществляться совершенно произвольно.

В отличии от Гегеля, марксисты объявят, что диалектика действует абсолютно во всех областях сущего и мыслимого. Маркс и Энгельс будут изъясняться в диалектическом плане ненамного яснее Гегеля, но начиная с Ленина марксисты будут стараться всё более ясно формулировать диалектические "законы". Закон единства и борьбы противоположностей по Ленину – это признание того, что в каждых процессах действуют противоположные тенденции и явления. В ленинизме, задача заключается в том, чтобы выявить (или обозначить произвольно, если выявить точно невозможно) эти тенденции (противоречия), раскрыть их. Ленин приводит примеры из различных наук:

> "В математике + и –. Дифференциал и интеграл.
> » механике действие и противодействие.
> » физике положительное и отрицательное электричество.
> » химии соединение и диссоциация атомов.
> » общественной науке классовая борьба".

При том, что через этот метод можно объяснить противоречие в философии (оставим вопрос, насколько это верно), большой вопрос – можно ли применять его в науке. Математика, обладающая точностью, является наиболее удобным для этого инструментом, и мы выше выразили утверждение Гегеля через математическую формулу. Вероятно, что возможно проверить утверждение в других точных науках на конкретных, реально действующих утверждениях – в частности тех, что привёл Ленин. Сходу, можно признать по крайней мере некоторые из этих положений верными. Но здесь возникает множество вопросов: верны ли они во всех приведенных утверждениях? В рамках приведенных наук, верно положение о противоречии во всех случаях, или лишь в некоторых? Действуют ли в них повсеместно остальные законы диалектики?

К этим вопросам мы будем иметь возможность вернуться в дальнейшем. Но прежде нам нужно закончить ознакомление с используемыми диалектикой понятиями и законами.

Итак, внутреннее противоречие можно понимать в двух смыслах:

1) Признание в рассматриваемом предмете или его свойствах количественной величины;

2) Наличие двух взаимоисключающих друг друга противоположностей. Следует отметить также, что такая трактовка подразумевает определенную полярность, разделение рассматриваемого объекта на сугубо две противоположности. Это со всей полнотой отразится в политической теории марксизма.

Качество. Для-себя-бытие и бытие-для-иного. Внешнее противоречие как различие.

Определяющей характеристикой рассматриваемых предметов в диалектике является "качество".

Качество – “*определенность, изолированная так для себя, как сущая определенность*”. В переводе с диалектического на человеческий язык, качество – совокупность всех свойств предмета, характеризующая его как данный предмет. Качество – это не отдельные свойства предмета, а все его свойства, которые характеризуют его как данный предмет. То есть качество – это сочетание всех сущностных свойств предмета.

> “Качество есть свойство прежде всего лишь в том смысле, что оно в некотором внешнем соотношении показывает себя имманентным определением. Под свойствами, например трав, понимают определения, которые не только вообще свойственны тому или иному нечто, а свойственны ему постольку, поскольку благодаря им оно присущим ему образом сохраняет себя в соотношении с иным, не дает воли внутри себя посторонним положенным в нем воздействиям, а само показывает в ином силу своих собственных определений, хотя и не отстраняет от себя этого иного. Напротив, более спокойные определенности, как, например, фигура, внешний вид, не называют свойствами, как, впрочем, и не качествами, поскольку их представляют себе изменчивыми, не тождественными с бытием”.

Здесь диалектика опять переизобретает то, что уже сформулировано нормальным, человеческим языком в нормальных человеческих науках. Отвлечемся к обычной логике, которая выражает вещи простым языком.

В логике свойства вещей называются признаками. Признаки бывают существенные и не существенные. Существенный признак – это тот признак, который выражает основное свойство предмета. Без этого существенного признака предмет перестаёт быть данным предметом. То есть, например, существенный признак воды, определяющий воду как воду – это её химический состав H_2O и жидкое физическое состояние. Потому что если вода изменит своё состояние, станет твёрдой или газообразной – она перестанет быть водой, а станет льдом или паром. А несущественный признак – это такое свойство, которое не характеризует предмет. Если отнять это свойство, предмет останется собой. Например, цвет карандаша. Цвет карандаша – это несущественный признак, поскольку если его цвет изменится, он останется карандашом. Однако если мы говорим именно о зеленом карандаше, то здесь цвет является существенным, определяющим признаком, поскольку если цвет изменится, то карандаш перестанет быть зеленым. Или понятие “письменные принадлежности”. Здесь существенный признак, объединяющий эти понятия – способность писать. А цвет или форма не являются определяющими. То есть существенность тех или иных признаков зависит от того, о каком конкретно понятии мы говорим. Понятие – это и есть отображение всех существенных признаков предмета. В зависимости от того, что мы вкладываем в понятие и в число существенных признаков, конкретизируется и конкретный предмет, о котором мы говорим. В зависимости от существенных признаков предмета речь идти может о “письменных принадлежностях”, “карандаше”, “зелёном карандаше”, “зелёном карандаше с ластиком” и так далее. В зависимости от количества отражённых признаков таким образом меняется объем понятия – круг предметов, отражённых в понятии.

Логика, таким образом, имеет более точную и понятную терминологию. В логике можно чётко обозначить, что такое “признак”, “существенный признак”, “понятие”, “объём понятия” и так далее. Диалектика этого лишена, она переизобретает логические категории, но делает их более смутными, туманными и неопределенными, избегая конкретных чётких определений. Можно сказать, что диалектика – это логика демагога.

Итак, чем диалектическое “качество” отличается от логического “понятия”? Во-первых, более чётким определением “понятия”. Когда мы говорим о “понятии предмета”, мы чётко можем понимать, что имеется в виду. Когда мы говорим о “качестве предмета”, имеется в виду некая абстракция, определяющая само бытие предмета. “Понятие” – выражение, используемое нами для уточнения мысли, сужения или расширения круга обозначаемых предметов. “Качество” – некие ключевые признаки, определяющие само бытие в качестве предмета. То есть в сущности, одно и тоже. Если мы говорим о зеленом карандаше, то зеленый цвет определяет бытие предмета именно как зеленого карандаша, но не как карандаша вообще. Если мы говорим о зелёном карандаше, то признак “зеленый” является существенным для обозначения именно зеленого карандаша, но не существенным, если мы говорим о карандашах вообще.

Тем не менее, диалектика отделяет два вида качества предмета. Качество, которое определяет некую внутреннюю, самостоятельную сущность предмета, которая являет саму его суть. И качество, которое проявляется в предмете при взаимодействии с иными предметами. То есть, например, качество карандаша “в вакууме” будет его состав, строение, и так далее. Это то, что важно для самого карандаша как карандаша. Это для-себя-бытие карандаша (бытие-в-себе, по Гегелю). То есть такое качество, по Гегелю – это субъективное понятие карандаша о самом себе. Понятно, что действительный карандаш лишён и разума, и вообще способности как-либо осознавать себя. Однако диалектическое “качество”, в отличии от логического “понятия”, исходит не от мышления и понимания о предмете, но от бытия предмета. В этом улавливается нечёткая грань между “понятием” и “качеством”, и эта разница позволяет нам говорить о для-себя-бытии карандаша, о его качестве, но не о его понятии о себе. Разница здесь в том, что карандаш объективно существует, даже если он не может осмыслить себя. Так и “понятие” от “качества” мы можем отделить как “субъективное” от “объективного” (которое, правда, осмыслить мы можем всё равно лишь через мышление, через логическое “понятие”).

Для-себя-бытие, впрочем, и самим Гегелем, бессильным чётко его определить, сводилось к абсолютному бытию, изолированному от всего прочего, в котором всё едино. В конце концов, Гегель был вынужден свести его к самосознанию, то есть к тому самому субъективному “понятию” о самом себе, что опять таки указывает нам на неопределенную, весьма смутную разницу между “качеством” и “понятием”:

> “Для-себя-бытие есть полемическое, отрицательное отношение к ограничивающему иному и через это отрицание иного рефлектированность в себя, хотя наряду с этим возвращением сознания в себя и идеальностью предмета еще сохранилась также и его реальность, так как его знают в то же время как некое внешнее наличное бытие. Сознание, таким обра-

зом, охватывает лишь явления, или, иначе говоря, оно – дуализм: с одной стороны, оно знает о некотором другом, внешнем для него предмете, а с другой, есть для себя, имеет в себе этот предмет идеальным, находится не только при этом ином, а в нем находится также при себе самом. Напротив, самосознание есть для-себя-бытие как исполненное и положенное; указанная выше сторона соотношения с некоторым иным, с внешним предметом устранена. Самосознание есть, таким образом, ближайший пример наличия бесконечности, правда, все еще абстрактной бесконечности, которая, однако, в то же время имеет совершенно другое конкретное определение, чем для-себя-бытие вообще, бесконечность которого еще всецело имеет лишь качественную определенность".

Однако кроме для-себя-бытия существует еще и бытие-для-иного. Это то, что представляет собой предмет для другого предмета. Например, карандаш-в-себе, состоящий из графита и дерева, можно заключить, как графитовый стержень в деревянной оправе. Однако для человека карандаш является пишущим средством, и в бытии карандаша для человека определение меняется. Карандаш-для-человека можно определить как инструмент для письма, имеющий своей пишущей основой графит. То есть бытие-для-себя это то, что представляет собой предмет объективно, а бытие-для-иного это субъективное существование предмета в его взаимодействии с другими объектами. В этой разнице проявляется отчуждение предмета, когда он перестаёт быть собой, и становится инструментом, становится вещью-для-другого. Сопротивление этому, возвращение к состоянию вещи-в-себе, есть снятие отчуждения. То есть, например, рабочий является живым человеком, с собственными мечтами, чувствами, сознанием. Это его бытие-для-себя. А для капиталиста рабочий является придатком к машине, рабочим инструментом. Бытие рабочего для капиталиста – выполнение на протяжении большей части своей жизни однообразного действия у станка. В капиталистическом обществе бытие рабочего для себя заменяется бытием рабочего для капиталиста, то есть его основной задачей является не жизнь для себя, не саморазвитие и радость, а выполнение одного и того же действия всю свою жизнь. Человек перестаёт быть человеком в полном смысле этого слова, и становится придатком к машине. Это – отчуждение. А осознание этого факта и борьба против него – это преодоление, снятие отчуждения.

Эта великая гуманистическая идея станет самым замечательным элементом марксизма. Правда, наиболее полно она выражена в ранних работах[1] молодого Маркса, где занимает ключевое место. Со временем эта мысль будет уходить на задний план, и со временем вовсе вытеснится из классического и советского марксизма, но найдёт своё возрождение в западном марксизме, где станет одним из ключевых понятий.

Тем не менее, нужно заметить, что сама эта мысль вряд ли может быть определена как сугубо диалектическая. Мы можем видеть похожие идеи во множестве иных гуманистических и этических движениях с самой древности. Однако идея об отчуждении сыграла значительную роль в дальнейшем развитии гуманистических концепций.

[1] Об этом следующий текст «Экономическо-философские рукописи Карла Маркса».

Подробнее речь об отчуждении пойдёт в разделе о марксистской психологии[2]. Здесь же нас интересует, прежде всего, иная форма противоречия, отличная от внутреннего противоречия. Рассматриваемый предмет (нечто) вступая во взаимодействие с любым иным предметом (иное), также пребывает в противоречии, происходит борьба между его бытием-для-себя и его бытием-для-иного. Кроме того, при взаимодействии нечто оставляет свой след, своё бытие в ином. Это уже внешнее противоречие. Само для-себя-бытие есть противоречие с бытием-для-иного. Существование предполагает обе стороны бытия, взаимоисключающие и противостоящие друг другу. В конце концов, во внешнем проявлении, в отношении между предметами противоречием может быть обозначено всё, что угодно. Любое взаимодействие между двумя предметами или явлениями есть противоречие, ибо, во-первых, оно ведёт к борьбе внутри предмета различных сторон бытия. А во-вторых, любая сущность является отрицанием всякой иной сущности, как это было выражено во внутреннем противоречии – всё, что не является водой, является не-водой, отрицанием воды, её противоположностью. Таким образом, противоречие в конце концов сводится к любому различию.

Менее изуверски эту мысль выразил Мао Цзедун. Маоизм вообще отличается от остальных направлений марксизма тем, что пытается не усложнять речь и изложение мыслей, но упрощать их, сделать доступным для понимания. Мао прямо писал, что любое различие уже есть противоречие. Возможно, это есть излишнее упрощение, искажающее суть диалектического противоречия – у нас будет возможность проверить это в дальнейшем.

[2] Видимо имеется ввиду следующий упомянутый текст.

6. Диалектика против математики. Количество и мера.

Другой характеристикой, помимо качества, является количество. И, конечно, диалектика не была бы самой собой, если бы имела в виду под количеством количество в человеческом понимании этого слова. Гегель через рассуждения о том, что количество есть единство непрерывности и прерывности, в конце концов приходит к определению конкретного количества как числа. Однако Гегель отрицает численность как абсолютную определенность количества. Чем более конкретно наше знание о предмете, тем более нелепым становится попытка изобразить его количество численно, утверждает Гегель. В конце концов, математика является подчинённой наукой, и её выводы не могут быть использованы для подтверждения или опровержения философских утверждений, говорит Гегель. Подтвердить или опровергнуть можно только при помощи логики… но и логика у Гегеля подчинена диалектике, которая отрицает главные законы логики о непротиворечивости! Получается, что два основных инструмента, которые могли бы проверить, подтвердить или опровергнуть диалектику, Гегелем отвергаются, и признаются лишь в той мере, в какой они могут послужить самой диалектике. Положения же диалектики, непроверяемые ни логически, ни математически, мы не может подвергнуть сомнению, поскольку диалектика лишает нас этого инструмента. В конце концов, мы должны признать диалектические положения просто как истины, признать, что если математика и логика входят в противоречие с диалектикой, то проблема в логике и математике, а не в диалектике. Таким образом, несмотря на все заверения диалектиков в “научности”, диалектика является религиозным сознанием, где мы должны просто принять тезисы на веру. Мы не можем проверить их или опровергнуть, мы можем верить или не верить. Таким образом, диалектика, лишённая инструментов проверки истинности – математики и логики – превращается не в “научный метод”, но в теологию, оперирующую непроверяемыми “истинами”.

Марксизм, как было сказано, воспринял диалектику Гегеля критично. Однако положение об истинности диалектики и подчинение ей прочих наук сохранилось. Изменился метод – если Гегель доказывал положения диалектики умственными, антилогическими размышлениями, то марксизм, переняв выведенные таким образом утверждения Гегеля, проверял их на отдельных примерах из реальной жизни. Такие примеры носили откровенно натянутый характер. “Противоречием” и “противоположностью” объявлялись любые две стороны чего-либо, при этом фактически осуществлялось то самое жонглирование терминами – где нужно, “противоположность” и “противоречие” понимались в буквальном смысле, а где нужно – в специфическом диалектическом, то есть использовался примитивный демагогический приём подмены терминов. Попытки обосновать подчинённость математики диа-

лектике и математически доказать ошибочность логики и вовсе носят откровенно антинаучный характер. Мы в будущем будем возвращаться к математическим примерам, приводимым диалектиками-марксистами. Здесь же приведём один из них. Советский диалектик Ильенков так опровергал логику и математику, доказывая их несостоятельность и подчинённость диалектике:

> “При количественно-математической обработке определённых явлений очень часто получается противоречащая себе система уравнений, в которой уравнений больше, чем неизвестных, например:
> x + x = 2
> 50 x + 50 x = 103
> Логическое противоречие здесь налицо. Тем не менее эта система уравнений вполне реальна. Реальность его станет очевидной при условии, что под значком x здесь скрывается одна копейка, а сложение копеек происходит не только в голове, и не столько в голове, сколько в сберегательной кассе, начисляющей ежегодно 3 % на вложенную сумму.
> В этих конкретных – и вполне реальных – условиях сложение копеек совершенно точно выражается приведенной «противоречивой» системой уравнений”.

Однако здесь налицо абсолютное незнание диалектиками школьных основ математики. Если мы предположим «x» за копейку, то получим следующее:

x+x = 2 копейки

а 50x+50x = 100 копеек

Приводимая же Ильенковым формула начисления 3% выглядит совершенно иным образом. Во-первых, нужно заметить, что элементарное школьное знание о вычислении процентов подсказало бы великому светилу диалектики Ильенкову, что высчитывать три процента нужно не складыванием, а хотя бы умножением, если максимально упрощать. Сумма, полагаемая к возврату, в таком случае, будет выглядеть так

1,03(x+x)=2,06

1,03(50x+50x)=103

То есть здесь действительно логическая ошибка. Но эта ошибка указывает не на ошибочность логики и математики как таковой, а на ошибочность великой диалектической мысли Ильенкова и неправильность приводимой им формулы.

Более того, если мы заинтересуемся вычислением процентов на более точном уровне, то нам понадобится более сложная формула, подразумевающая сумму денежного вклада, ставка процента и срок вклада.

При этом Ильенков является довольно уважаемым советским диалектиком, на которого ориентируются многие современные марксисты. Но на его примере мы можем опровергнуть не логику с математикой, но диалектику, которая совершенно не понимает ни логику, ни математику даже на школьном уровне. Диалектика – это не “научный метод”, а элементарное незнание самых основ логики и математики.

Мы, однако, диалектиками не являемся, и пользоваться математикой и логикой умеем. Потому, конечно, не можем принять ни диалектику, ни её утверждение о

невозможности проверить себя математикой – ведь мы знаем, как высчитывается 103%.

Возвращаясь к Гегелю, можно объяснить смысл его тезисов математически. Выше мы представили конкретное бытие (а) обладающее определенным количеством свойства А. И, соответственно, по Гегелю, обладающего и определенным количеством противоположного свойства В. Гегель говорит, что любой свет, который не является абсолютным светом, является светом, смешанным в каких-то пропорциях с тьмой. Мы определили это так:

a=A+yB

y=A-x

B=-A

Если А равен 1, а В равен -1, мы можем представить определенную прямую, тянущуюся от -1 к 1, и разместить а на этой прямой, что будет отображать, например, силу света. Мы понимаем, что силу света нужно выражать через такую единицу измерения, как кандела, как понимаем отсутствие некого предельного значения для света и невозможность выразить максимум света и максимум тьмы. Как понимаем, что 100кд вовсе не означает в величине наполненность остального её содержания до предельного числа некой единицей “антикандела”. Однако такого вычисления от нас требует ход развития мысли Гегеля (отрицающий математику), и нам приходится прибегнуть к нему исключительно для иллюстрации диалектического метода – осознавая всю нелепость данного метода.

Так вот. Если x=0,31, то мы получим следующее

a=1-0,69=0,31

«а» всегда будет равен «х». И на этом графике «а» и «х» будут располагаться на одной точке. Здесь можно видеть, что излишни и бесполезны рассуждения Гегеля о том, что каждый конкретный свет является абсолютным светом (А) смешанным в определенных пропорциях его противоположности (В). В конце концов, это искусственно усложненная, лишняя формула, как и большинство рассуждений диалектики, суть которой – конструирование и нагромождение таких ничего не значащих, пустых утверждений.

«а» на нашем графике располагает в точке 0,31. Это – количество. А – это качество. То есть вместо усложнённых бесполезных диалектических построений что “а есть единство противоположностей А и В” мы можем сказать, что а является определенной величиной А.

То есть вообще, по большому счёту, количество может быть сведено к обычному пониманию количества, но делается это, как и всё в диалектике, через какое-то бесполезное и ненужное переизобретение уже существующих терминов.

Однако вернёмся к нашей прямой. На ней, помимо отметки в 0,31 мы увидим отметку в 0. Эта отметка является здесь мерой. Мера – это третья диалектическая характеристика. Диалектика учит нас, что «а» не пребывает постоянно на отметке в 0,31, а перемещается по графику в соответствии с борьбой А и В, а конкретно – х и у, значение которых постоянно меняется. Наличие характеристик А и В определяют саму суть «а». Изменение х и у определяют развитие «а», его перемещение по данному графику. Если «а» перейдёт в этом перемещении отметку 0, то впору говорить, что а перестал быть собственно «а», но стал b – конкретным бытием В, а не А. И отсчитывать

местоположение b мы будем уже не через x или -y, но через y или -x. Очевидно, что 0 это такая отметка, пересечение которой меняет саму сущность «a».

«0» в данном случае называется мерой. Мера в диалектике – соотношение количества и качества, их диалектическое единство и борьба между ними. Когда количество достигает определенной меры, резко меняется само качество предмета. То есть он становится не «a», но b, а определяющее его качество меняется с A на B.

7. Закон перехода количества в качество. Скачок.

Это положение перенесено в марксистскую диалектику, и сформулировано там Энгельсом как закон перехода количества в качество.

Мы можем обратить внимание ещё на одну особенность перемещения a по прямой. Она сохраняет своё свойство и своё качество, пока не достигает меры 0. Как только отметка в 0 достигнута, резко сразу же меняется качество A на B и свойство «x» на «y». Это совершается не постепенно, но мгновенно. Такие резкие изменения качества, происходящие по достижению количеством определенной меры, называются скачком.

Здесь нужно обратить внимание, что сам закон и его толкование может быть превратно понято, если воспринимать его термины буквально. Мы выше видели, что диалектическое “качество” не качество вовсе, а скорее логическое “понятие”, а “количество” – в общем и целом численность, да не совсем численность. Воспринимая закон перехода количества в качество буквально, мы бы подумали, например, что просто механическое увеличение любого количества автоматически приведёт к улучшению качества. То есть, например, если завод выпускает 100 деталей в час, то качество этих деталей будет выше, чем если завод выпускал бы 10 деталей в час.

Однако так как диалектика есть изуверская демагогическая псевдонаучная теория, намеренно запутывающая термины, то в ней всё значит совсем не то, что на самом деле. Потому закон перехода количества в качество более верно было бы сформулировать так (в соответствии с общепринятой терминологией логики), дабы можно было понимать “закон” буквально:

При изменении свойств (в первую очередь – количественных, но не только их) сущностного признака предмета, изменяется и наше понятие о предмете.

То есть если завод выпускает 100 деталей в час, а не 10 деталей, то не обязательно меняется ни качество деталей, ни наше понятие ни деталей, ни завода, поскольку количество выпускаемой продукции не входит в наше понятие ни о самом заводе, ни о производимых им деталях.

Что такое “свойство сущностного признака” и изменение этого свойства? Каждый признак является в то же время и понятием. То есть, например, в понятие “завод” включены следующие признаки:

1) Промышленное предприятие.

2) Механизированные производственные процессы.

Если мы будем увеличивать количество производственных процессов, завод останется заводом. Если мы будем увеличивать количество промышленных предприятий, то они так и останутся заводами. Изменится лишь количественная составляющая понятия, но не само понятие. Все вместе эти заводы могут образовать какую-то

совместную компанию, но это будет просто возникновение иного понятия, в рамках которого завод всё также останется заводом. Для того, чтобы конкретно завод перестал быть заводом, нужно изменить один из признаков. То есть, например, сделать предприятие не промышленным, а сдавать его помещения в аренду, или устраивать там концерты, и так далее. И тогда при изменении одного из существенных признаков произойдёт и изменение самого понятия, завод станет не заводом, но, например, клубом. Либо отказаться от механизированных процессов производства, сдать все промышленные машины на металлолом, и тогда завод перестанет быть заводом, а станет мануфактурой, основанной на ручном труде.

Только в этом случае данный "закон" имеет смысл. Однако проблема в том, что этот "всеобщий закон развития", к которому диалектика приходит путём подмены терминов и сложнейших философских размышлений, и без того заложен в логике. И заложен не на уровне каких-то "всеобщих законов", но на уровне самого определения слова "понятие". То есть в этом плане всё мудрствование диалектики сводится к элементарным логическим понятиям.

Если же мы, вопреки нашему определению диалектического "качества" как логического "понятия" попытаемся осознать "закон перехода количества в качество", то тогда действительно получится полная ерунда, вроде того, что увеличение количества выпускаемых деталей даёт повышение их качества. Хотя зачастую именно так этот закон и понимают – как сторонники диалектики, так и её противники. Сложность, запутанность диалектического языка, неясность и растянутость диалектических понятий и подмена значений общепринятых терминов даёт, конечно, диалектике хорошую защиту от критики, ибо нормальный человек будет критиковать диалектику исходя из общеупотребительного значения слов. На это ему, конечно, всегда можно ответить, что он неправильно понимает диалектику. Но пойди разберись, что там имеется в диалектике на самом деле! Даже если разберешься – марксисты всё равно заявят, что критик неправильно понимает диалектику. И либо не предложат правильного "толкования" диалектики, либо же предложат то, которое в данный момент позволит избежать критики. Хотя вообще неясность и необходимость толкования диалектики сближает её не с наукой, но с теологией.

А с другой стороны, эта прекрасная броня от критики имеет и обратную сторону – даже большинство самих марксистов не понимают, о чём вообще идёт речь. Ну, действительно, каждый ли марксист читал все ключевые работы по диалектике Гегеля, Маркса, Энгельса и Ленина? Потому и сами марксисты, в большинстве своём, не могут не воспринимать диалектику иначе, как поверхностно, путём не расшифровки диалектических терминов, но натягивания поверхностно понимаемой диалектики на реальную жизнь. Это, в свою очередь, неизбежно ведёт к умственной и политической деградации марксизма.

Поверхностное понимание диалектики, в принципе, может при буквальном понимании диалектических терминов, натянуть их на реальную жизнь. Например, увеличение количества деталей может привести к увеличению их качества, ибо повысит прибыль капиталиста, которую он сможет пустить на повышение качества продукции. Однако это будет уже откровенно демагогическая попытка натягивания терминов. Ибо повышение количества выпускаемых деталей не повышает качество автоматически, а лишь даёт для этого предпосылки. А повысить качество или

нет – это решает уже капиталист, как распорядиться новыми прибылями. По факту, правда, оказывается, что с ростом компании и увеличением производства качество падает, так как капиталист, будучи заинтересован в повышении прибылей, всё более и более снижает издержки на производство. Штучная работа ремесленника зачастую оказывается гораздо более качественной, чем при массовом конвейерном производстве. То есть при буквальном прочтении терминов можно было бы сформулировать закон так: при количественном изменении качество может измениться. А может и не измениться. Такой "закон", конечно, не даёт нам вообще ровным счётом никакого знания, и его ценность равна нулю.

Проблема в том, что отцы марксизма не стремились сами использовать свои "законы" в каком-либо строго определенном смысле. Вероятно, их определение намерено было сделано настолько широким, чтобы сделать их действительно "универсальными". Достаточно посмотреть, какие примеры приводит сам Фридрих Энгельс. Вот например, в своём произведении "Анти-Дюринг" тот отвечает на критику марксизма и диалектики со стороны Евгения Дюринга. При этом, что важно, отрицая "неправильное" толкование диалектики со стороны Дюринга, Энгельс не пишет чётко, какое толкование будет "правильным", критикуя и изъясняясь всё же туманно. Оно и понятно – сила диалектики как раз и заключается в её туманности и неопределенности, дать диалектике чёткие понятия и определения – значит, уничтожить её, лишить её всех преимуществ.

Пример первый. Агрегатные состояния. Энгельс приводит доказательство перехода количества (понимаемого, как количественная характеристика одного из свойств – температуры) в качество (понимаемого, как агрегатное состояние) на примере воды. Когда температура воды опускается ниже нуля градусов – вода замерзает и принимает твёрдое состояние. Когда вода нагревается до ста градусов ("мера") – происходит кипение ("скачок") и вода превращается в пар. На первый взгляд, всё верно. Однако количественная составляющая – температура – не превращает воду в пар сама по себе. Она лишь запускает определенные процессы, которые и способствуют превращению воды в пар. Но, что важно, этот же процесс происходит вообще при любой температуре. Как вода превращается в пар? Вода, прежде всего – это постоянно перемещающиеся молекулы воды. Скорость этих молекул неравна. Наиболее быстрые молекулы, накопившие достаточно кинетической энергии, чтобы оторваться от притяжения более медленных молекул, вырываются за границы жидкости, и становятся тем самым паром. Это происходит при любой температуре. Нагревание лишь увеличивает скорость молекул, и соответственно количество молекул, вырывающихся за границы вещества. То есть если здесь и имеется переход количества в качество – то температура воды имеет к этому опосредствованное отношение. Решающее свойство – скорость молекулы, увеличивая которую она может вырваться из вещества. Но при этом молекула остаётся собой, качественно для неё ничего не меняется, лишь преодолевается притяжение остальных молекул. И этот процесс происходит независимо от общей температуры жидкости, даже при комнатной температуре. То есть мы не можем сказать, что при нагревании воды происходит какое-то качественное изменение, что-то, чего не происходит при её не нагретом состоянии. Это лишь количественное увеличение, большее количество молекул вырываются за границы вещества. И тогда уже данное количественное из-

менение вырывающихся за пределы вещества молекул воды качественно меняют воду как "вещь-в-себе". Этот пример обычно приводится как классический пример перехода количества в качество. Потому и мы возьмём его за образец. По факту мы здесь видим изменение одних количественных свойств (средняя температура воды) неизбежно ведёт к изменению других количественных свойств (скорость молекул), которые меняют "качество" целого, состоящего из этих молекул, но не самих молекул. То есть можно сказать, что количественные изменения детерминируют изменения "качества" (как понятия воды, включающего в себя химический состав H_2O и жидкое состояние). Говорить, однако, о "скачке" в данном случае можно лишь с натяжкой. Это "скачок" субъективно для нас, но в самой воде не происходит принципиально новых процессов, которые в ней не происходили раньше.

Пример второй. Приводится пример Маркса, что "*не всякая произвольная сумма денег или стоимости может быть превращена в капитал, что, напротив, предпосылкой этого превращения является определённый минимум денег или меновых стоимостей в руках отдельного владельца денег или товаров*". То есть – в оборот для получения прибыли может быть пущена не любая сумма денег, но лишь достигнувшая определенного минимума, превышающая определенную "меру". Пять рублей и миллион рублей – имеющие одно свойство деньги. Но миллион рублей вы можете вложить в наём рабочей силы, которая произведёт вам продукции на сумму, превышающие один миллион рублей. А на пять рублей вы только пакет в магазине купите. Вот, вроде бы, переход количества в качество.

Однако здесь имеется в виду совсем иной процесс. Если в первом примере количественные изменения свойств отдельных частиц целого ведут к качественным изменениям целого (без диалектического "скачка"), то здесь изменение голого количества частиц целого (а не их свойств) ведут к возможности использовать деньги совершенно иным образом.

То есть чувствуете разницу?

Количественные изменения свойств частиц обязательно меняют качество-понятие целого.

Количественное накопление частиц может быть использовано для использования целого в ином качестве. А может и не быть использовано.

Первый "закон" подразумевает жесткое детерминирование, что А ведёт к В.

Второй "закон" подразумевает возможность, что А может быть использовано как В.

Не говоря уже о разнице в изменениях. Энгельс говорит о двух совершенно разных процессах. Чтобы было яснее, перевернём примеры, используем логику второго "закона" в случае с водой.

Простое количественное увеличение молекул воды приведёт ли к изменению "качества" воды? Здесь мы, в принципе, тоже можем натянуть диалектику на реальность, и сказать, что да, приведёт. Малое количество воды может быть использовано для утоления жажды, большее количество воды – для мытья, еще большее – для запуска в движение механизмов, а еще большее – для судоплавания. Но нужно понимать и разницу "качественного" изменения. В случае с температурой мы говорили о том, что изменяется само понятие воды, она перестаёт быть водой и становится паром. Если говорить диалектически, изменяется её качество как "бытие-в-себе". Однако в этом

случае изменяется возможность её использования, то есть её “бытие-для-иного”. В нашем понимании же вода остаётся водой. Просто она может быть использована конкретно нами иначе. А может и не быть использована. А может быть использована и старым способом – для утоления жажды или мытья. А относительно другого организма, какого-нибудь водоплавающего насекомого, вода является средством передвижения и средой обитания даже при небольших количествах, а для нас её возможно использовать как средство передвижения – при больших количествах.

То есть мы видим, что Энгельс, приводя два примера в качестве доказательства правоты своего “закона”, имеет на самом деле два закона. Один из них гласит о неизбежном изменении самого бытия предмета, а второй – об ином возможном использовании предмета, чем ранее, но это не обязательно.

Если мы разберём подобным же образом и иные примеры, то поймём, что и там логика изменений совершенно иная. Мы не можем признать верным закон, который является верным, только в случае различного его толкования, удобного в конкретной ситуации. Для того, чтобы закон был “научным”, нужно свести его к такому толкованию, которое будет верным в любом случае. Конечно, диалектика отрицает обычную логику. Но мы-то её не отрицаем. И нам логика говорит, что если в одном рассуждении используются омонимы (слова, звучащие одинаково, но имеющие в виду различные предметы), и в ходе рассуждения мы смешиваем понятия, наделяя родниковый ключ свойствами ключа от замка, а ключ от замка свойствами родникового ключа – значит, это рассуждение ошибочное.

Потому постараемся свести использование данного закона Энгельсом к единому определению, которое будет верно во всех использованных им примерах. Это облегчается его утверждениями из другой книги – “Диалектика природы”. Там он, в подтверждение “закона” перехода количества в качество, утверждает, что в случае количественных изменений, какое-то качественное изменение обязательно случится. Потому что даже если мы будем постоянно разбирать какое-то явление, а оно в результате этого не будет меняться, то в конце концов мы доберёмся до молекулярного уровня. И вот когда мы разберём молекулы, тогда то явление точно перестанет быть собой!

> “Если мы представим себе, что любое неживое тело делят на все меньшие частицы, то сперва не наступит никакого качественного изменения. Но это деление имеет свой предел: когда нам удается, как в случае испарения, получить в свободном состоянии отдельные молекулы, то хотя мы и можем в большинстве случаев продолжать и дальше делить эти последние, но лишь при полном изменении качества”.

То есть, что, в сущности, утверждает Энгельс под данным законом?

В случае каких-либо количественных изменений частиц целого обязательно произойдут качественные изменения в самой природе целого. Либо, если не произойдут изменения в структуре целого, изменится возможность его использования. Либо, если и этого не случится, можно разобрать предмет на молекулярном уровне, и тогда в нём точно что-то изменится.

Нет слов, хорош закон! И с оговоркой про молекулы – действительно универсален! Проблема в том, что такой универсальный закон, подразумевающий столько

вариантов, и допускающий оговорку о молекулярном изменении не может сообщить нам ничего нового. Единственная информация, которую он несёт 100% – это то, что при молекулярных изменениях изменится и сама суть предмета. Но это мы, в общем-то, знали и без диалектики. Тем не менее, этот закон твёрдо утверждает лишь качественные изменения на молекулярном уровне (всё остальное – возможные изменения). То есть закон перехода количества в качество по Энгельсу вообще может быть сведён лишь к этому утверждению:

При делении молекул происходят качественные изменения.

Но Энгельс, во всё той же "Диалектике природы", делает еще одно неизбежное уточнение, чтобы уж наверняка его "закон" стал универсальным: переход количества в качество происходит при строго определенном для каждого конкретного способа образом. Такое уточнение уже и вовсе делает этот закон бесполезным. "*При количественных изменениях каким-либо способом они могут стать качественными изменениями*". То есть количественные изменения чего-нибудь, если их использовать каким-либо образом, изменят какое-нибудь "качество" (логическое понятие? "бытие-в-себе"? "бытие-для-иного" – ВОЗМОЖНОЕ изменение использования?) предмета. Туманное неясное изложение, использующее туманные термины с искусственно увеличенным значением – действительно делает "закон" всеобщим и универсальным для развития. Только вот этот закон не сообщает решительно никакой новой информации.

И даже использование его в конкретно марксистской деятельности крайне затруднено. Например, у нас есть небольшой кружок троцкистов. Какая характеристика определяет этот кружок, как "революционную партию"? Глубина познания революционной теории? Экономики? Социологии? Связь с пролетариатом? Боевые, организаторские, пропагандистские навыки? Количество? Увеличение количественно любой из этих характеристик изменит наш кружок троцкистов определенным образом. Однако "качество" как определяющая явление характеристика будет зависеть при этом не только от количественного изменения, но и от способа применения. Например, мы развили наш троцкистский кружок в плане боевых навыков. Однако "боевые троцкисты" – это еще не определяющее кружок качество. Определяющим кружок качество будет способ применения ими боевых навыков – из них может получиться при должном применении количественно увеличенных боевых навыков боевая группа уличных антифашистов, спортивная секция, криминальная банда или террористическая группа. Вот вам основа для еще одного великого "закона" диалектики, дополняющего "основной" "закон". А по сути – вполне очевидная, само собой разумеющаяся вещь. Если мы будем пользоваться диалектикой, мы будем на каждом шагу натыкаться на такие вопросы, не имея никаких критериев и методов.

8. Диалектика Гегеля и диалектика марксистов

Зачем же нужен “универсальный закон развития”, не дающий никакой информации? Мы это поймём, если взглянем на различие между гегелевской диалектикой и марксистской диалектикой. Гегель выводил свои диалектические законы из размышления, и указывал, что они пригодны в первую очередь для философствования. Марксисты же хотят использовать выведенные им “законы” для объяснения мира. Принимая правила Гегеля, они лишь критикуют его за то, что он вывел их не из природы, но из мышления. В то время, как надо было выводить их… эмпирически (при всей нелюбви марксистов к эмпиризму), высматривая эти законы в природе. Марксисты, отрицая принцип создания законов, приняли сами эти законы, и начали искать им частные подтверждения в реальной жизни. Мы уже видели, что под эти законы Энгельс приводил совершенно различные случаи, имеющие в своём основании совершенно разные процессы. Однако это было необходимо для идеологического обоснования диалектики, перенесения её действия из сферы мышления в сферу общественную. Развитие современной диалектики мы можем описать следующим образом:

1) Гегель, желая обосновать некий абсолютный разум, выводит новую “науку” диалектики, отрицающую обычную логику и математику, которые опровергают методы Гегеля. Диалектика распространяется на сферу мышления.

2) Марксисты, отрицая гегелевские выводы, принимают его методы и “законы” и ищут им частные подтверждения путём натягивания и подмены понятий в реальной жизни. Диалектика переносится на сферу природы.

3) Найдя примеры в природе, которые при натяжках и подмене понятий могут подтвердить диалектику, марксисты заявляют, что эти “законы” являются всеобщими законами развития, а значит человеческое общество развивается таким же образом.

Позже мы обратимся к специфически марксистским выводам, которые они сделали из этого, и увидим, для чего это было необходимо политически. Пока же отметим следующие марксистские ошибки.

Энгельс пишет в “Диалектике природы” о методе Гегеля:

> “Ошибка заключается в том, что законы эти он не выводит из природы и истории, а навязывает последним свыше как законы мышления. Отсюда и вытекает вся вымученная и часто ужасная конструкция: мир – хочет ли он того или нет – должен сообразоваться с логической системой, которая сама является лишь продуктом определенной ступени развития человеческого мышления. Если мы перевернем это отношение, то все принимает очень

простой вид, и диалектические законы, кажущиеся в идеалистической философии крайне таинственными, немедленно становятся простыми и ясными как день".

Что это значит? Гегель используя неправильные методы создал верный метод и обозначил верные законы. И мы можем подтвердить это на частных примерах. Тем самым марксисты становятся подобны религиозным сектантам, которые 500 лет назад боролись с научными фактами, нарушающими их картину мира, а теперь задним числом объясняют через эти же факты свою картину мира. Но религиозные сектанты при этом более последовательны, ибо они не отрицают ту самую религиозную картину мира. Марксисты же приняли тезисы Библии, и принялись искать им подтверждения в реальной природе и истории, отрицая при этом саму Библию.

Второй ошибкой является утверждение, что если эти законы действуют в природе (что совсем не так – имеет место лишь подгонка диалектических "законов" и различное их толкование под частные отдельные примеры), то, стало быть, действительны и в человеческом обществе. Это сродни тому, как из цикличности повторения зимы-весны-лета-осени выводить аналогичные циклы развития для нашего общества – такой грубый метод аналогий абсолютно антинаучен и свойственен скорее религиозному сознанию. В действительности же различные науки (в том числе и социальные) должны развиваться не в соответствии с одними и теми же законами, а находить собственные законы развития конкретного рассматриваемого предмета. Когда для объяснения тех или иных социальных процессов, или для прогнозирования развития общества используются какие-либо законы из области физики или химии – как это часто любят делать всевозможные политологи – это логическая ошибка. Тем более, что как эту ошибку демагогически используют сами марксисты, также демагогически можно использовать её и против них. Например, политическая теория марксистов предполагает, что пролетариат должен взять власть и подавить буржуазию. Однако закон Паскаля гласит, что "*Давление, производимое на жидкость или газ, передается в любую точку без изменений во всех направлениях*". Методика марксистов, предполагающая перенос законов развития природы на законы развития общества, в сочетании с законом Паскаля и положением о диктатуре пролетариата означает, что подавление буржуазии пролетариатом будет означать подавление любой точки общества в равной мере. Подавление буржуазии отразится без каких-либо изменений на самом пролетариате. Мы понимаем, что это – демагогия, что мы говорим о двух совершенно различных областях с собственными законами. Однако именно эта методика, по факту, и используется марксистами. Нельзя механически переносить законы природы на законы общества, даже если бы мы признали правоту выдвигаемых марксистами "законов".

9. Противоречие в логике и диалектике. Марксистская диалектика.

Прежде чем подвести итог тому, что же является противоречием, поясним это понятие и закон противоречия в логике.

Противоречие в логике – это взаимоисключающие суждения, как, например, “в комнате есть стул” и “в комнате нет стула”. Закон противоречия утверждает, что лишь одно из этих утверждений может быть верным. Это фундаментальный закон, на котором строятся сами основы мышления и науки, логика и математика. Если мы отказываемся от этого закона, то нам придётся отказаться и от самой математики, логики и вообще любых наук. Это хорошо видно на примере изложенных вначале формул абстрактного противоречия, где «а» одновременно равно и не равно «а».

Отрицая закон противоречия, диалектика тем самым отрицает и математику с логикой. Вместо подчинения себя законам логики и математики, диалектика утверждает, что она является главной “наукой”, которая не должна считаться с иными науками. Это другие науки должны считаться с диалектикой и подстраиваться под её правила. Об этом пишет, например, и Владимир Ленин, утверждая что математика “подчинена” диалектике.

Взамен логического закона противоречия диалектика выдвигает утверждение, что противоречия не только совместимы, но и являются всеобщими, противоречия заключены всюду – между предметами и явлениями, внутри отдельных явлений и даже внутри любой составляющей явления. Всё это формируется в законе противоречия, который тем труднее понимать, что понятие противоречия в диалектике, как и любой иной термин, туманен и не определен. Выше мы довольно подробно рассмотрели диалектическое “противоречие”, и вывели несколько возможных определений противоречия. Наша задача заключается сейчас в том, чтобы выяснить, какое из этих определений подразумевает марксистская диалектика. Здесь мы будем руководствоваться всё тем же логическим правилом – в разных ситуациях “противоречие” должно выражать одно и тоже явление. Если одно слово используется в нескольких значениях, то необходимо понять, о каком идёт речь. Если мы говорим, что ключ подразумевается в качестве родникового ключа – мы не можем в дальнейшем взять, и назначить этот же ключ ключом от замка.

Выше мы предположили, что противоречием в диалектике может являться противоположность в строгом смысле этого слова (антоним); наличие количественной величины, разделенной на две враждебные друг другу части; или же любое различие. Также допустим логическое толкование “противоречия” как взаимоисключающих утверждений.

При этом мы должны понимать, что диалектика Гегеля вовсе не тоже самое, что диалектический материализм марксизма. Марксизм основывается на критическом

развитии диалектики Гегеля. Хотя мы выше указывали на всю нелепость этой ситуации. Тем не менее, в области противоречия мы ссылались на марксистских классиков, подтверждающих понимание противоречия, аналогичное гегелевскому. Если Энгельс и Маркс пользовались “противоречием” истинно демагогически, прибегая к подмене понятий, пользуясь сперва “противоречием” в одном смысле, а на следующей странице – в ином, то Ленин чётко сформулировал противоречие как две противоположные тенденции. Мао столь же чётко выразил понимание противоречия, как различия. И такие понимания противоречия вполне согласуются с анализом гегелевского противоречия. Однако в этом и заключается прелесть диалектики, помните? Растянутые и обтекаемые определения позволяют её последователям толковать противоречие совершенно различно, и если мы разберём одно из возможных определений, сторонники другого определения заявят, что мы разбирали “неправильную” диалектику. Мы не будем обращаться потому к определениям Ленина и Мао, а взглянем на первоисточник диалектического материализма – на Энгельса. В отличии от своих последователей, Энгельс не даёт чёткого определения противоречию. Более того, в различных ситуациях он, как истинный диалектик, пользуется различными понятиями противоречия.

В “Анти-Дюринге” Энгельс прибегает к логическому понятию противоречия, как взаимоисключающего. К сожалению, и здесь он пользуется лишь отдельными примерами противоречия, но не определением. Посмотрим на эти примеры, которые вновь демонстрируют полное непонимание ни математики, ни логики.

Диалектика, в отличии от логики, утверждает, что два противоречащих друг другу утверждения вовсе не исключают друг друга, но подразумевают друг друга. То есть если логика говорит что либо A, либо B (либо в комнате есть стул, либо в комнате нет стула), то диалектика говорит что и A и B оба являются верным (в комнате есть стул и нет стула). В качестве подтверждения, Энгельс приводит примеры из механики, биологии и математики.

С примерами из математики у диалектики, как всегда, всё очень плохо. В качестве примера Энгельс приводит мнимую единицу:

> “Но уже и низшая математика кишит противоречиями. Так, например, противоречием является то, что корень из A должен быть степенью A, и тем не менее $A^{½} = \sqrt{A}$. Противоречием является также и то, что отрицательная величина должна быть квадратом некоторой величины, ибо каждая отрицательная величина, помноженная сама на себя, даёт положительный квадрат. Поэтому квадратный корень из минус единицы есть не просто противоречие, а даже абсурдное противоречие, действительная бессмыслица. И всё же $\sqrt{-1}$ является во многих случаях необходимым результатом правильных математических операций; более того, что́ было бы с математикой, как низшей, так и высшей, если бы ей запрещено было оперировать с$\sqrt{-1}$?”.

Действительно, проблема. Только здесь есть два момента:

1) Мнимая единица не является действительным числом. Такого числа нет. Она используется исключительно для расчётов. Подобно тому, как не может быть 2,06

копеек, однако при годовом росте в 3% через очень много лет эта цифра превратится в три копейки. То есть 0,06 от копейки здесь не реальное, но что-то предполагаемое, но используется нами в вычислениях.

2) Мнимую единицу не изображают в качестве $\sqrt{-1}$, такое обозначение является ошибочным. В математике её обозначают через i, так как в противном случае действительно могут получаться ошибочные выводы, ибо $\sqrt{-1}$ может означать как i, так и -i. К $\sqrt{-1}$ приходят же как раз через i. Это аналогично тому, как мы бы определили -2 как $\sqrt{4}$. Но мы знаем, что это неправильно, так как -2 является лишь одним из возможных корней. Таким же корнем является 2. Оба варианты верны, но мы с самого начала получили четверку именно возведение -2 в квадрат. Попытка превратить -2 в 2 таким образом, попытка использовать для обоснования диалектики не используемую в математике величину $\sqrt{-1}$ является всё той-же подменой понятий, демагогией и шарлатанством.

Тоже касается утверждения, что проникновением диалектики в математику является переменная. Переменная в математике – это изменяющееся число. То есть, например, мы можем понять, что если на одного мужчину, ведущего активный образ жизни, требуется, например, 3000 калорий в день, то отправляясь в поход нам нужно взять с собой рациона на 3000 калорий умножить на первую переменную x1 (количество участников похода) и вторую переменную x2 (количество дней, которое длится поход). Если поход длится три дня, а принимает участие 10 человек, то нужен рацион на 90 тысяч калорий. А если количество дней или участников изменится, то изменится и конечная цифра.

Энгельс утверждает, что это пример действия диалектики в математике. Однако это вовсе не так. На выходе мы не получаем два взаимоисключающих решения. Скорее, это пример действия логики, ибо рассуждения идут в чисто логической схеме:

Если x1 и x2, то A.

Диалектическая схема же выглядит иначе:

Если x1 и x2, то A, неA и -A.

Если переменная используется для получения одного чёткого конкретного результата, то мы можем утверждать, что это есть опровержение диалектики. В зависимости от различного значения переменной мы можем получить разный конечный результат, и знание различных возможных результатов позволит нам лучше подготовиться к походу. То есть, например, мы знаем что x1 может быть равен 4, а может быть равен 10. И исходя из этого, мы будем принимать решение о подготовке к походу. Но в конце концов, на деле x1 окажется либо 4, либо 10, но никак не и 4 и 10. Можно, конечно, извернуться демагогическим аргументом что 10 включает в себя 4. Но 4 то не включает в себя 10, и здесь оба варианта нужно рассматривать логически как A (10) и не A (не10).

В биологии примером противоречия, по Энгельсу, является тот факт, “*что живое существо в каждый данный момент является тем же самым и всё-таки иным*”. Под этим подразумевается, что внутри живых организмов постоянно происходит огромное множество процессов, и в каждую следующую секунду живой организм уже отличается от себя же в прошлую секунду, ввиду развития внутренних процессов – мышления, пищеварения и так далее. Однако этот пример является натянутым

до неприличия. По факту, Энгельс пишет: "*так как в живом организме непрерывно происходят различные процессы, взаимоисключающие утверждения могут быть верны*". Однако из факта происходящих в живом организме процессов никак не следует принцип противоречивости. Напротив, эти процессы происходят в соответствии с определенными правилами и законами, которые не могут противоречить сами себе. Если мы говорим "кролик поел", то мы понимаем, что в кролике происходят процессы пищеварения. Если мы говорим "кролик не ел, кролик голоден", то мы понимаем, что в кролике происходят процессы энергосбережения – замедляется сердцебиение, понижается температура тела и так далее. Мы не говорим "кролик поел, следовательно он перешёл в процесс энергосбережения, и частота сердцебиения замедлилась". Как не говорим и обратное: "Кролик ничего не ел, а следовательно, он переваривает не съеденную им пищу". Или "Кролик поел, а стало быть, не поел". Биологические процессы подчиняются своей логике и не допускают взаимоисключающих высказываний. То есть это не А и -А одновременно, если А, то, стало быть, не -А. Если А, то из него следует В.

Кроме того, само утверждение Энгельса, что в каждую последующую секунду организм тот же самый и не тот же самый, что в прошлую секунду, тоже ошибочно с точки зрения логики. Если в организме произошли какие-то процессы, то мы можем говорить, что происходящие внутри организма поменялись. Изменились частицы, составляющие целое. Целое же не изменило своего диалектического качества и логического понятия. Так что весь вопрос заключается лишь в том, о чём мы говорим. Энгельс же совершает здесь классическую ошибку демагога, в духе "ключ может открыть дверь и не может открыть дверь", имея в виду два совершенно разных ключа – родниковый и от замка. Однако в этом случае рассуждение ошибочно.

Аналогичны и прочие примеры Энгельса, которые являют собой обычное шарлатанство, подмену понятий, искажение фактов и нарушение логики. Для более точного понимания марксистского диалектического противоречия, можно вновь обратиться к его "Диалектике природы". В ней Энгельс также не даёт определения противоречию, но зато он перечисляет некоторые признаки противоречия. Не имея чёткого понятия о предмете, но зная его признаки, мы можем самостоятельно определить это понятие на основе существенных признаков.

1) Отрицание положения, что а=а. а=а и в то же время не=а, говорит Энгельс, приводя всё тот же шарлатанский пример о происходящих внутри живых организмов сложных процессах. Здесь "противоположность" прямо описывается как не-тождество, как различие. Тождество (а=а) содержит в себе различие (а не=а). Такое положение, однако, выводится лишь постоянной подменой понятий и терминов. Целое подменяется частью и обратно. Так как часть целого пребывает в постоянно движении и изменяется, то целое не равняется самому себе и тоже постоянно изменяется, говорит Энгельс. Между тем, как исходя из самой диалектики, качество предмета, будь то бытие-для-себя (логическое понятие) или бытие-для-иного (возможность использования) не меняются. То есть здесь уже любое количественное изменение, даже не достигшее меры изменения, ведёт, по Энгельсу, к изменению качества. Подобными утверждениями Энгельс полностью нивелирует столь защищаемый им закон о переходе количества в качество. Если абсолютно любое количественное изменение меняет суть, качество предмета, зачем же нам отдельный закон, который обгова-

ривает возможность изменения качества при достижении определенного (но не любого!) количественного изменения? Налицо обычное жонглирование терминами. В одном законе Энгельс подразумевает под изменением качественное изменение, в другом законе – количественное. А можно, получается, сформулировать проще – любое изменение (количественное или качественное) предмета ведёт к изменению предмета. Опять-таки, получается, что путём сложных запутанных доказательств диалектика доказывает само-собой разумеющееся. Однако делает из этого странные выводы.

В логике в понятие “кошка” вовсе не заключен признак пустого или полного желудка кошки. А потому факт того, что кошка поела или не поела, не меняет того факта, что это кошка. Энгельс же упорно доказывает, что если кошка поела, и внутри неё происходят определенные процессы – то это кошка да вроде и не кошка уже, ведь в ней произошли изменения. То, что эти изменения не являются изменением сущностного признака понятия “кошка”, и что мы по-прежнему можем говорить что a=a, Энгельса как диалектика не волнует. Для него поевшая кошка уже не равна кошке, «a» более не равно «a». Налицо, однако, вовсе не открытие какого-то мудрого закона, а неспособность Энгельса работать с логическими категориями “понятие” и “признак”. Ибо когда логика говорит о том, что a=a, и не может быть так, что a не=a, что так упорно пытается опровергнуть Энгельс, логика имеет дело с конкретными понятиями. Энгельс же этого не понимает, и заменяет конкретные понятия неподвижной суммой всех частиц кошки, которые постоянно изменяются. И взяв кошку не как логическое понятие, но как сумму частиц, он пытается опровергнуть логическое понятие тем, что положение каких-то частиц в кошке изменилось. Но ведь положение этих частиц не является сущностным признаком понятия “кошка”. Всё непонимание Энгельсом логического закона противоречия, который он пытается опровергнуть, происходит лишь из незнания элементарных основ логики.

2) Чтобы всё сошлось, Энгельс постулирует для диалектики следующее: мы не можем обозначить чётких границ между явлениями. Мы не можем сказать, что данный предмет является конкретно «a» или «b», так как зачастую он может являться и «a», и «b». Это верно, если мы говорим о различных свойствах предмета. Например, “растение” и “красное” (а между прочим, отсылкой к таким различным категориям Энгельс опять таки “доказывает” свой тезис). Однако то, что растение красное – это вовсе не противоречие, это различные свойства предмета. Распространяет это правило Энгельс и на одну категорию, доказывая, что, например разница между различными животными видами условна. Так, например, “граница между птицами и пресмыкающимися с каждым днем все более и более исчезает”. Для диалектики, стало быть, проблемно отличить птицу от пресмыкающегося. Между тем, школьная программа биологии даёт представление о том, что пресмыкающиеся являются хладнокровными, а птицы теплокровными. Уже из одного этого факта следует большое множество иных различий, как разница в скорости столь дорогого и принципиального для Энгельса обмена веществ, в результате которого рептилия, если верить диалектике, перестаёт быть рептилией. Обмен веществ холоднокровного (пресмыкающегося) в десятки раз медленнее, чем у теплокровного (птицы). И между тем, именно обмен веществ в значительной степени доказывает, что «a» не = «a». А теперь выясняется,

что скорость обмена веществ – совершенна не важна и не служит границей между птицами и пресмыкающимися.

Это не стыдно, что Энгельс не знал элементарных вещей – он жил в XIX веке, в современных школах не учился, и не имел современного начального образования. В его время было накоплено научных фактов гораздо меньше. Стыдно то, что в наши дни, при достаточном накоплении научных фактов, находится достаточно большое количество людей, которые обладают начальным образованием, получают знания в школах, но некритически принимают антинаучные теории из XIX века.

Для Энгельса, очевидно, сложно провести границу между различными предметами в виду того, что он не владеет основами логики. Мы при помощи столь часто упоминаемых выше инструментов, как «понятие» и «признак» можем без труда выявить сущностные признаки понятия “пресмыкающееся”, и понятия “птица”, и получить, таким образом, чёткую границу. Признание Энгельса, что диалектика этого сделать неспособна, демонстрирует не правоту диалектики, но лишь нулевую ценность диалектики и слабость её перед элементарной логикой.

3) Формулирует, в конце концов, Энгельс всё это дело так, что мы не можем утверждать, что положение “или или” всегда будет верно. Диалектика, говорит Энгельс, признаёт также что верно может быть “и то, и другое”. Проблема в том, что логика с этим и не спорит. Существует большое количество возможных соотношений утверждений, для которых в логике есть даже собственные формулы. Однако логика даёт нам чёткие инструменты определения понятия, следствия, истинности утверждения и так далее. А диалектика, наоборот, отрицает саму основу логики и весь предоставляемый ей инструментарий.

Утверждение Энгельса об “или или” и “и то, и другое”, сводится, в конце концов, к взаимоисключающим утверждениям. Не к соотношению А и В, двух различных высказываний, но А и -А. «А» равно “в комнате есть стул”. «-А» равно “в комнате нет стула”.

Логика говорит, что верно либо А, либо -А.

Энгельс утверждает, что могут быть ситуации, когда верно и А и -А. Однако, кроме неправильно понимаемой математики и факта происходящих внутри живого организма процессов, никаких примеров он привести не может. Несомненно, однако, что всегда можно извернуть дело так, что А и -А будут верны. Например “да, я говорил, что в комнате нет стула, а в комнате есть стул. Но я был абсолютно прав – в комнате нет ДРУГОГО стула. А этого стула нет в ДРУГОЙ комнате”. Однако такая “наука” уже есть, и она называется “демагогия”. Несомненно, что является составной частью диалектики и марксизма, но, чтобы претендовать на то, что диалектика является новой “наукой”, нужно эту демагогию чем-либо дополнить.

4) Энгельс упорно употребляет понятие противоположности и противоречия сразу в двух смыслах: противоположность в строгом смысле этого слова, антоним, и в смысле “различие”. Когда ему удобно, он доказывает принцип противоречия через “другое”: “*в живом организме за последний момент произошли изменения, и теперь он тоже самое, что раньше, и другое*”, а когда удобно – пользуется им в понятии “противоположное”, “антоним”. Он как будто понимает, что если дать волшебному слову “противоречие” какое-либо определенное значение, то вся магия диалектики рассеется. Однако в самом неправильном использовании омонимов “противоречие”,

“противоположность” заключена на защите от критики, но сама суть критики, ибо показывает ошибочность рассуждения. Подмена терминов является известным демагогическим приёмом, который в демагогии показывает истинность суждения, в логике же осуждается и отрицается как ошибочный. Сам факт применения этого демагогического приёма характеризует Энгельса и диалектику не как “учёного” с “научным методом”, о чём так любят заявлять марксисты, но как обычного шарлатана и демагога с псевдонаукой.

5) Энгельс выводит принцип полярности. Во всём мы должны искать сугубо две стороны – положительную и отрицательную. При это неважно о чём речь – электричество, общество, война, поэзия, и так далее. Он возвращается к принципу Гегеля, что каждое явление состоит из двух взаимоисключающих составляющих. Но если Гегель делал это совершенно антинаучно, выводя в свете содержание света и отрицания света, то Энгельс делает это псевдонаучно. Он берёт конкретные примеры из науки и природы и подгоняет их под это правило. Например, электричество вырабатывается при взаимодействии ионов положительно и отрицательно заряженных. Значит, работает! А если работает в частном – значит, правило является всеобщим. На самом деле нет, это логическая ошибка. Но диалектика, как мы упоминали, логику не знает. Более того, всё относительно. Мы могли бы перевернуть ситуацию, назвать свет тьмой а тьму светом, юг севером, большее меньшим, положительное отрицательным, пролетариат буржуазией – ничего бы по сути не изменилось, это так и останутся две полярности. Просто изменится соотношение – что было 20% света станет 80% тьмы, помните? Но суть и пропорции не изменятся, можно рассматривать с любой стороны. Мы не можем избавиться от полярности. Например, если мы разрежем магнит – то его нейтральная середина станет полисом. Если разрезать червя, пишет Энгельс, то у него всё равно с одной стороны будет рот, а с другой стороны – заднее отверстие. Ну и так далее.

Однако доказывают ли эти примеры “всеобщность” положения, или же это частные примеры? Например, если бы Энгельс был разрезан пополам – стал бы его задний проход “принимающим пищу ртом”, а пятка – “задним проходом для выделения”? Мало того, что эти примеры не имеют между собой ничего общего и относятся к разным категориям – рот и задний проход червя и разные полюсы магнита. И обобщать их – логическое противоречие. Энгельс здесь пытается пользоваться инструментами отвергаемой им логики. Данный инструмент называется обобщением. С его помощью мы можем отвлечься от определенных, не нужных нам для конкретного анализа признаков, и перенести анализ с конкретного предмета на более широкий круг понятий, обладающих общим признаком. Например, мы рассматриваем какой-либо признак зеленого карандаша. Но нам не важно что он зеленый, мы хотим абстрагироваться от этого. Мы отсекаем признак цвета как несущественный, и переходим к рассмотрению обобщенного понятия “карандаш”. Если нам неважно, что это карандаш, мы можем отсечь несущественные признаки – например, пишущую основу – и перейти к обобщенному понятию “пишущие средства”. Общим признаком у них будет способность быть использованным человеком для письма. Однако обобщить можно только те понятия, которые имеют некий общий признак. Что в случае Энгельса? Можно ли сказать, что положительно заряженный ион, отрицательный полюс магнита и задний проход червя – это явления одного по-

рядка? Правильно ли такое обобщение? В действительности речь идёт о совершенно различных явлениях.

Кроме того, в другом произведении – в “Манифесте коммунистической партии” – Энгельс и Маркс прямо опровергают своё положение о полярности всего сущего. Распространяя принцип полярности на капиталистическое общество, они отмечают, что капитализм является первым строем в истории, чётко обозначившим два антагонистичных, полярных класса – пролетариат и буржуазию. До того, в иных экономических формациях таких антагонистичных классов не было, не было у общества двух враждебных полюсов. Получается, что всеобщие законы диалектики по самим же Марксу-Энгельсу не такие уж и всеобщие?

И далее. Как пример заднего прохода червя доказывает всеобщее использование данного принципа? Мы уже упоминали, что просто переносить действие какого-либо закона с одной сферы на другую – антинаучно. Мы можем использовать математику или логику для проверки каких-либо утверждений. Но мы не можем использовать закон Паскаля для объяснения социологических процессов. Вернее, можем, но это будет неправильно, это будет демагогией, это будет ошибочно. Более того. Даже в одной и той же, казалось бы, сфере мы не можем использовать законы так, как нам вздумается. Например, рассмотрим движение, о котором столь любит говорить Энгельс. Движение мяча – одно, и для него действуют одни законы. А движение атома – совершенно иное, и для него действуют другие законы. Если, однако, мы даже в одном направлении не можем перенести свойства объектов друг на друга, то что говорить о таких разных категориях, как “общество” и “червяк”, “поэзия” и “атомы”, “экономика” и “магнит”? Диалектика, между тем как раз пытается перенести законы одного на другое.

Впрочем, из этого положения мы можем вывести определенные представления о полярности всех явлений. Оно, в некотором роде, и заложено в диалектическом “законе” единства противоположностей.

Но прежде, чем мы перейдём к самому “закону”, отметим некоторый религиозный дуализм, заложенный в данном положении. По факту, это положение о том, что у всего есть два начала, и любой предмет или явление состоит из двух взаимоисключающих начал. Идёт ли речь о малейших частицах, о молекулах, о предметах, о сложных организмах, о кухонном столе, о стихе, о сознании, нашей планете или всём мире – мы должны видеть не всё разнообразие вселенной, но строго два взаимоисключающих начала, между которыми нет твердой границы, и которые включают в себя всё остальное. А затем уже мы должны видеть два начала внутри каждого из этих начал. И два начала внутри каждого из них! И так до бесконечности. С одной стороны, мы во всём сущем и во всей вселенной должны видеть только две действующие силы. А с другой стороны – должны видеть их великое бесконечное множество. В определенной мере, это роднит диалектику с религиозными верованиями о двух началах, светлом и тёмном. Только диалектика отрицает границу у этих начал, считает, что светлое равно тёмному, что они едины, но меж тем – различны и противоположны. Да, чёткими определениями здесь точно не обойтись. Гораздо более подручна сложная теология с запутанными туманными терминами.

Но зато представьте, какой простор открывает положение в политике! Возьмём Владимира Путина. Если мы являемся его сторонниками, мы можем объяснить

по-марксистски, что на международной арене есть две полярные силы – мировой империализм во главе с США, и антиимпериалистические силы, противостоящие им. Потому любой, кто против врагов США – друг США. Конечно, внутри антиимпериалистического лагеря тоже есть свои полярные силы – например, индийские маоисты (почему бы и нет?) и ближневосточные джихадисты. Но основное противоречие – с США. Потому в первую очередь борьба должна идти против них. А потом уже внутри антиимпериалистического лагеря поборем джихадистов и примкнувших к ним. Россия в этой борьбе на стороне маоистов – ведь она против джихадистов. А затем поделим оставшихся на две новые полярные силы… и так далее.

А если вы противник Владимира Путина, то можете сказать, что есть две полярные силы в России – Владимир Путин и Алексей Навальный. А там как Путина победим появятся новые полярные силы.

Но если вы противник и Алексея Навального, то можете сказать, что Владимир Путин и Алексей Навальный находятся на одном полюсе (поскольку границы между полюсами нет), а их борьба – это борьба внутри буржуазного полюса. А у нас свой, социалистический полюс – с Зюгановым и КПРФ. Но вы можете быть еще и противником Зюганова, и тогда Зюганова и КПРФ тоже отнести в буржуазный полюс… Чувствуете, как удобно?

Мы можем найти любые две полярные силы, удобные нам и объясняющие с диалектических позиций правоту нашей политической теории, независимо от того, кем мы являемся, за кого стоим и что предлагаем. Во многом именно такая универсальность диалектического метода определила постоянные расколы марксистских движений, где каждый может найти для себя удобное разграничение сторон. Так, например, большевики в российской революции смогли объявить всех своих противников – включая анархистов и меньшевиков – не иными конкурирующими революционными силами, с иным видением будущего, но противниками революции, реакцией. Такие неопределенные положения и превращают диалектику в универсальный инструмент в споре для любой стороны. Сами классики марксизма, начиная с Маркса и Ленина, пользуясь диалектикой противоречия уже столько раз доказывали близость и неизбежность социалистической революции, что если бы этот метод был строго “научным”, мы бы пережили десятки победоносных мировых социалистических революций.

10. Закон единства и борьбы противоположностей.

Итак, закон единства и борьбы противоположностей говорит нам, что любое явление есть единство взаимоисключающих друг друга противоположностей, а развитие – борьба этих двух противоположностей в едином. Однако само это определение нам ничего не говорит, поскольку и Гегель подразумевал под противоречием и противоположностями сразу несколько значений, и марксисты также умудряются наделять термин безразмерным значением. Исходя из того, в каком понятии использует противоречие Энгельс, мы можем сказать, что данный закон можно читать одним из следующих способов (или сразу всеми):

1) Любое явление есть единство различных сторон, а развитие явления – взаимодействие различных сторон. (противоречие как “иное”).

2) Любое явление есть единство двух взаимоисключающих друг друга вариантов, а развитие – процесс взаимного исключения этими вариантами друг друга из состава целого (противоречие как взаимоисключение).

3) Любое явление есть единство двух противоположных начал, а развитие – борьба этих противоположных тенденций (противоречие как противоположности).

4) В любом явлении две наименее похожих стороны будут составлять полярные силы, вступающие в борьбу друг с другом (полярность).

Вполне в духе природы диалектики, Энгельс и остальные марксисты, где это нужно, используют тот вариант трактовки и то толкование, которое выгодно в данный момент. Уже сам этот метод говорит о ненаучности диалектики.

Мы видим, что под одним “законом” марксисты имеют в виду сразу четыре “закона”, которые действуют в различных ситуациях, но все вместе претендуют на “всеобщий” единый закон. Можно было бы попытаться сформулировать все четыре варианта в одном, но это бесполезно, поскольку марксизм при пользовании “законом” применяет противоречие в конкретном смысле – но каждый раз в новом. Когда Энгельс говорит о “противоречии” как об “ином”, как в случае с живыми организмами, он имеет в виду вполне определенное понимание противоречия как различия, как “иного”. Когда Энгельс говорит о “противоречии” как о взаимоисключающих фактах, как в случае с механикой, логикой или математикой, то речь идёт об определенном понимании противоречия как взаимоисключения. И так далее. Попытки свести “противоречие” и диалектический “закон противоречия” к чему-то одному бесполезны и не дадут никакого результата, так как Энгельс и марксисты и не пользуются этими понятием и “законом” в каком-то определенном смысле. Они используют их истинно демагогически – как омонимы, которыми можно подменять друг друга. Однако в таком виде “закон” только в этом качестве и может быть использован – но никак не в качестве “научного метода познания”.

Разве можно сравнить это положение в своей “научности” с чётко определенным логическим понятием “противоречия” и логическим законом противоречия?

Именно отсутствие каких-либо критериев и определенностей в этом “законе” делает его непригодным на практике. Много ли научных открытий было сделано диалектическим методом поиска противоречий? Или это диалектики уже задним числом объясняли, что сделанные открытия подпадают под диалектику? В науке господствует иной метод – индуктивно-дедуктивный, о котором речь пойдёт в конце статьи.

Но не только в науке метод неприменим, но тем более он неприменим и в политике. Выше мы показывали, как произвольно можно назначать различные силы “полярными” и получать совершенно различный результат. Ведь нет ни критериев, ни определения противоречия и полярности. Марксизм, несмотря на отсутствие этой ясности (а вернее – благодаря отсутствию ясности) претендует, что его диалектический метод является универсальным, и все науки подчинены диалектике, во всех науках действуют законы диалектики. Нельзя отрицать, что в некоторых аспектах законы диалектики, при том или ином толковании, действуют – не зря они сформулированы столь широко. Но распространить действие этих законов на всё-всё-всё можно только поистине демагогическими методами, вроде утверждения, что коль человеческое тело в конце концов состоит из различных частиц, то и всё человеческое общество состоит из этих частиц, а значит и живёт общество и человек по тем же законам, что малейшие частицы. Однако это, конечно, будет ошибочным утверждением – мы знаем, что общество живёт по своим законам, отличным от законов развития мельчайших частиц. Однако именно то, что социальные и квантовые науки подчиняются одним и тем же всеобщим законам развития, и является основой марксистской диалектики. Мы увидели абсолютно демагогический характер закона о противоречии, мы увидели действительно всеохватывающий (поскольку сформулирован так, что не несёт никакой информации, и является просто переформулировкой логического “понятия”) закон “перехода количества в качество”. Теперь перейдём к последнему закону диалектики.

11. Закон отрицания отрицания.

Отрицание в логике – это такое суждение, которое противоположно первоначальному утверждению. Всё те же самые "есть стул" и "нет стула". "Есть стул" = А. "Нет стула" = -А. -А, "нет стула" – это отрицание А, "есть стул". Используется в логике и закон двойного отрицания. Он гласит, что если неверно утверждение, что А неверно, значит А верно. Это можно обозначить таким образом:

А=-(-А)

А здесь выступает как отрицание своего отрицания, и остаётся тем же самым.

В диалектике, как мы понимаем, всё совсем не так. Здесь отрицание, как и всё прочее, имеет сразу множество понятий-омонимов. Используется и в обычном понимании (А есть отрицание -А), так и в своём, собственно диалектическом смысле. "Отрицание" в диалектическом смысле означает переход рассматриваемого предмета в новое качество (понятие). При этом, как водится, никакого точного процесса отрицания-перехода не приводится, как не приводится никаких критериев. В приводимых Энгельсом примерах отрицание (переход) может вести как просто к изменению качества (понятия) предмета, так и к превращению в свою противоположность. То есть всё как и в случае с "противоречием": создаётся несколько терминов – омонимов друг друга и уже существующего термина – и все они под одним обозначением умещаются в некий "закон". Такой закон, опять таки, не может использоваться на практике, но ввиду широты трактовки может быть подогнан под что угодно. Столь же широко может трактоваться и "закон отрицания отрицания", который гласит, что в результате отрицания своего отрицания предмет возвращается к себе в новом качестве.

Хотя Энгельс, очевидно, с этим не согласен. Он приводит "*простой пример, который поймёт и ребенок*". Есть ячменное зерно. Если оно попадает в благоприятную почву, то произойдёт то самое "отрицание" – зерно превратится в растение. Это и есть то самое отрицание. Логически можно сформулировать "отрицание" как изменение понятия предмета ввиду изменения его сущностных признаков. Но на растении развитие зерна не заканчивается. Происходит новое отрицание – растение даёт множество новых зёрен, а само погибает. В диалектике это называется "отрицание отрицания". В строго формулировке утверждается, что при отрицании отрицания предмет становится собой в новом качестве. Но в данном случае мы совершенно не видим никакого нового качества зерна, лишь количественное изменение. Правда, Энгельс оговаривается, что если над растением поработает садовод, то зерно будет лучшего качества, нежели старое… но здесь, во первых, ключевое слово "возможно", а не "утверждено всеобщим законом развития", а во вторых – то самое демагогическое жонглирование терминами, когда вместо первоначального определения качества как понятия предмета нам начинают говорить об общеупотребительном качестве.

Итак, этот пример говорит об отрицании как о любом развитии, изменении качества. А об отрицании отрицания – как о возвращении к первоначальному качеству в его полном объёме, но с количественными изменениями.

В данном примере, правда, отрицание еще подразумевает смерть первоначального предмета, то есть происходит отрицание в самом полном смысле этого слова. Однако у множества растений и животных процесс воспроизводства, деторождения, вовсе не подразумевает такое "отрицание" (смерть) первоначального предмета. Энгельс лишь отмахивается от этого факта и пишет, что "*нас это не касается*". Но как же не касается, если это сама суть приводимого тобой примера "всеобщего закона", который на практике оказывается не таким уж всеобщим!

Если в биологии для Энгельса примером "отрицания отрицания" выступает пример внутреннего развития, то в геологии – внешнего механического воздействия. Сперва, говорит Энгельс, происходит отрицание – земная кора размельчается под воздействием внешних воздействий, а затем под воздействием иных внешних воздействий происходит образование всё новых слоёв земной поверхности. Речь идёт о двух совершенно разных явлениях, но утверждается, что развиваются они в соответствии с одним законом. Можно ли как-то, кроме демагогии, обосновать, что прорастание зерна в растение, и измельчение земной коры под внешним механическим воздействием – один процесс, осуществляемый в соответствии с одним законом? Именно это и говорит нам диалектика.

Но совсем ужасно обстоит дело в истории. В ней действует тот же закон, говорит Энгельс (он действует вообще везде, согласно диалектике). Первоначально, якобы, народы поставили государство для охраны своей свободы. Но государство в ходе развития перешло в стадию отрицания, и превратилось в инструмент угнетения. А затем гнёт достиг высшей точки, и все граждане стали одинаково бесправны, и тем самым государство через отрицание отрицания выполнило первоначальную задачу, обеспечив равенство (пусть и в бесправии) своих граждан. Мало того, что данный пример полностью противоречит историческим фактам и является полнейшим непониманием процесса образования государства. Что гораздо хуже, этот пример является очередным образчиком демагогии – подтягивания Энгельсом воображаемого развития государства под закон, который ничем, кроме демагогии, не объяснишь. Но мы и вообще можем заметить, что у Энгельса, как и повсюду, примерами для одного и того же "закона" служат совершенно различные процессы. В первом случае – внутреннее развитие явления, во втором – внешнее механическое воздействие, в третьем – превращение в "противоположность".

Конечно, такое расплывчатое демагогическое понимание необходимо Энгельсу, чтобы его "закон" стал всеобщим. Только подумайте бы, если бы "отрицание" носило строго определенный характер, и "закон", таким образом, тоже? Если бы мы в развитии каждого предмета искали превращение его в противоположность? "Каждый мужчина в ходе своего развития превращается в женщину, а затем обратно в мужчину" (под внешним воздействием или в результате происходящих внутренних процессов – не суть важно) – что-то вроде этого мы бы получили. Но Энгельс верно понимает, что его "всеобщий закон" не будет работать, если дать ему четкие понятия и определения.

В математике дела обстоят, как всегда, хуже всего. Мы указывали логическую формулу двойного отрицания A=-(-A). Формула диалектического отрицания отрицания же выглядит, по Энгельсу, следующим образом: отрицание A = -A. Отрицание -A = A в квадрате. Почему одно отрицание совершается обращением в отрицательное число, а второе – умножением на себя? Энгельс этого не указывает – просто ему так захотелось:

> “Возьмём любую алгебраическую величину, обозначим её «a». Если мы подвергнем её отрицанию, то получим «–a» (минус «a»). Если же мы подвергнем отрицанию это отрицание, помножив «–a» на «–a», то получим «+a2», то есть первоначальную положительную величину, но на более высокой ступени, а именно во второй степени”.

То есть мы совершаем одно и тоже действие (отрицание), но имеем различные инструменты. Это в корне противоречит и логике, и математике. Если мы возьмём, что математическим выражением отрицания является превращение в отрицательное число, то получим чисто логическую формулу двойного отрицания, где отрицание -A будет равняться A. Если же мы возьмём, что отрицание действует как возведение числа во вторую степень, то получим (A2)2. Формула Энгельса же может быть верна лишь в том случае, если A=1. Тогда, действительно, нет разницы, отрицание -1 в любом случае будет 1, но сам метод решения неправильный. Тем не менее, он идеально демонстрирует саму суть диалектики. У действия – отрицания – нет чёткого обозначения. В зависимости от желания диалектика, отрицание может выполнять любую функцию – сложение, вычитание, деление, умножение, возведение в степень и так далее. То есть закон нам ничего не говорит, он просто включает в себя любые действия. При том он является шагом назад по сравнению с логикой и математикой, которые дают нам точность. Если математика говорит нам, что 2+7/3, мы понимаем, что с этим делать. А диалектика заменит это таким образом, что 2 отрицает 7 отрицающую 3. И что это значит, если отрицание может иметь под собой любую функцию? Математика даст нам точный ответ. Если же мы переведем этот пример на диалектические рельсы, то точного ответа быть не может, ибо мы теряем то, что точно знаем из математики. Диалектика уничтожает сами понятия вычислений и объединяет их в “отрицание”, с которым можно делать всё, что угодно. Если математик в одном примере точно получит 13/3, то диалектик может получить вообще что угодно – от 2-7-3, до 27+3. И чем больше данных будет в примере – тем большее число “правильных” с точки зрения диалектики ответов мы получим. Сила диалектики – в её расплывчатости и обтекаемости. Слабость диалектики в том, что у нее настолько обтекаемые размеры определений, что в них попадает вообще всё, они не применимы в реальной жизни и в реальных науках, поскольку в них попадает всё. Включив в отрицание все математические вычислительные функции, мы тем самым и исключаем все эти функции из понятия отрицания, и вообще нивелируем понятие отрицания. Поскольку если нам нужно подвергнуть число отрицанию, то всё, что мы можем сказать о нём – то, что с ним надо провести какое-то действие, но мы не знаем какое. Утверждение, которое предполагает под себя всё что угодно, не подразумевает ничего, не даёт никакой информации, и является бесполезным

утверждением. “Наука” диалектики со своими “законами”, не дающие никакой информации, но насильственно вгоняющие в свои расширенные рамки все-все-все совершенно различные процессы в мире, также являются бесполезными.

Самое прекрасное это то, что в политике закон отрицания отрицания мы можем использовать с такой же свободой, как и прочие законы диалектики. Достаточно подогнать наиболее подходящие явления на роль противоречия, отрицания и качества, и можно объяснить вообще что угодно. Вот, например, приход Путина к власти. В конце девяностых годов в России существовало множество противоречий во властной элите – между либералами и консерваторами, между центром и регионами, между различными крупными политиками и олигархами и так далее. Ситуацию разрешил Путин, который сумел выступить своеобразным арбитром. Можно выделить из всех противоречий девяностых любое – между либералами и консерваторами, или между олигархами и силовиками, например. И назвать его решающим. И сказать, что Путин преодолел это противоречие. Более того, Путин с его жесткой авторитарной властью явился отрицанием Ельцина, с ассоциировавшимся с девяностыми хаосом. А далее… Мы можем назвать отрицанием отрицания всё, что угодно. Против Путина выступает Навальный. Значит Навальный это отрицание отрицания, и он вернёт ельцинский либерализм в новом качестве. Или в конце нулевых годов президентом стал Медведев, известный гораздо более либеральными взглядами, чем Путин. Медведев – это отрицание отрицания, он вернул политический либерализм в новом качестве. А потом пришёл снова Путин – отрицание отрицания отрицания – и вернул авторитарный характер нулевых в новом качестве, с милитаризмом, антисанкциями, агрессивной внешней политикой и так далее. Проблема в том, что мы не знаем, что будет после Путина. Может быть, Навальный. Тогда Навального можно обосновать как отрицание отрицания. Может быть, снова Медведев. Тогда он будет отрицанием отрицания. Причём если он будет вести либеральную политику, он будет отрицанием отрицания Путина. А если продолжит жёсткую авторитарную политику Путина – то можно объяснить, что второй срок Медведева – это отрицание отрицания первого срока Медведева. А может, придёт какой-нибудь Кадыров, и будет вести еще более авторитарную политику, и это будет отрицанием сравнительно мягкого режима Путина. Или придёт Шойгу и будет вести ту же самую политику, что и Путин. И это тоже может быть каким-нибудь отрицанием, например отрицанием единоличного правления Путина. Мы не знаем что будет – и потому этот “научный метод” марксистов не работает. Он годится только для того, чтобы объяснять задним числом уже произошедшее. Марксисты активно пытаются использовать диалектику и как “научный метод”, но это невозможно ввиду абстрактности и неопределенности диалектики, намеренно сформулированной так широко, что практически всё в этом мире будет под неё подпадать. Начиная с Маркса, диалектики на основе “всеобщих законов развития” диалектики пытаются делать политические предсказания с пафосом “научного анализа”. Но этот метод не работает в анализе, и потому, начиная с Маркса, марксисты один за другим выставляют себя неудачливыми горе-пророками. У мошенников-аферистов навыки “предсказаний” развиты гораздо лучше, чем у марксистов – и тоже ввиду абстрактности и неопределенности. Этот приём – неопределенность и объяснение задним числом – известен человечеству, как минимум, еще со времён древнегреческих оракулов, которые давали

намеренно туманные предсказания. Известен пример царя Лидии Крёза, который, прежде чем идти войной на персов, решил спросить оракулов об итогах войны. Оракулы сказали, что начав войну, Крёз сокрушит великое царство. Крёз посчитал, что это значит, что он сокрушит персов. Но персы победили, и разрушили царство Крёза. И пророчество оракулов всё-равно сбылось. Диалектика суть такое же шарлатанство пророков-оракулов, которые формируют обтекаемые “законы всеобщего развития”, под которые можно подогнать что угодно из того, что уже произошло, но невозможно анализировать происходящие события и будущее развитие в соответствии с его “всеобщими законами”. Потому хвалёный “научный метод” марксистов, по своему существу – глубоко антинаучен и никогда не работает ни в чём, что не касается объяснения уже известного.

12. Диалектическая триада.

“Закон” “отрицания отрицания” схож по своей логике с другим диалектическим правилом – диалектической триадой. Она гласит, что любая идея или теория (“тезис”) вызывает оппозицию к себе (“антитезис”). В тезисе содержится здравое зерно, и потому его принимают и выдвигают его сторонники. Однако тезис не идеален, он содержит противоречие. На это обращают внимание противники тезиса, которые формулируют антитезис. В конце концов, между тезисом и антитезисом должно найтись такое решение, которое сохранит здравые положения и тезиса, и антитезиса, разрешит противоречие. Это решение называется синтезом. Согласно диалектике, подобным образом и происходит развитие идей и теорий.

В действительности же всё совершенно иначе. Тезис или антитезис может быть если не полностью ошибочным, то их здравые зерна уже могут содержаться в иных идеях, от которых они и могут быть позаимствованы. Антитезис может строиться на непонимании или догматизме, и не содержать ровно никакого здравого зерна по отношению к тезису. Более того, сторонники тезиса и антитезиса вовсе не обязательно приходят к какому-либо общему решению и синтезу. В “триаде” количество противоборствующих идей равняется двум, в то время, как в реальности их обычно гораздо больше – существует не две противоположности, но огромное количество разных идей и теорий, соперничающих друг с другом. И, наконец, марксизм сам опровергает это положение. Существует огромное количество “антитезисов” к марксизму. И далеко не все они несут в себе рациональное зерно. Но независимо от того, несут они это зерно или нет, марксизм принял ли хоть один антитезис? Пересмотрел ли он какое-либо своё положение под влиянием многочисленной критики? Это сделал западный марксизм, который по сути перестал быть марксизмом. Политический же марксизм, советский марксизм отрицает все антитезисы.

Кроме того, антитезисы могут быть разными. Вот, например, неонацизм является антитезисом к марксизму. Но вовсе не с рациональных позиций, но с еще более антинаучных позиций. И, действительно, существует синтез – всевозможные национал-большевики, национал-маоисты, штрассеристы и так далее. Можно ли сказать, что синтез устраняет противоречие между тезисом и антитезисом, сохраняя их положительные стороны? Сами национал-большевики скажут, что да. Ортодоксальные марксисты же будут отрицать это. Однако отрицая ценность такого синтеза, они отрицают тем самым саму диалектическую триаду. Реальная жизнь гораздо сложнее и многообразнее диалектических формул. Триада может служить лишь одним из возможных вариантов развития идей и теорий. Но абсолютно невозможно сводить это развитие к этому единому варианту, который будет действовать всегда и везде.

13. Цикличность развития.

Сама постановка диалектической триады, вопроса полярности и “закона” “отрицания отрицания” говорит нам, что предмет в своём развитии может быть только в двух состояниях. Об этом, в принципе, прямо заявляет и диалектика – развитие она видит в виде спирали. Предмет переходит из одного состояния в другое, а затем возвращается к первому состоянию на более высоком уровне с тем, чтобы перейти вновь во второе на еще более высоком уровне. И так далее.

Однако понятно, что при таком взгляде на вещи мы не можем представить никакого принципиально нового состояния вещи. Например, если мы возьмём общественное развитие, то устоявшимся в советском марксизме положением будет смена формаций. Первобытное общество – рабовладельческое общество – феодализм – капитализм – коммунизм. Означает ли это, что капитализм – это лишь возвращение рабовладения на новом уровне? А коммунизм – новый этап развития феодализма, который в свою очередь возвращение к первобытному “коммунизму” в новом качестве? Следуя самим энгельсовским “законам” диалектики, мы должны ожидать за капитализмом не коммунизма, но некого возрождения феодализма в каком-то новом качестве.

Тоже самое и в природе. Столь любимый диалектиками пример агрегатных состояний разве подтверждает цикличность развития и принцип отрицания отрицания? Можем ли мы сказать, что пар, в сущности – тот же лёд, но в новом качестве, а вода является некой противоположностью и льду, и пару, которые на её фоне являются одним и тем же? Или, например, приводимый Энгельсом пример с зерном, что, отрицая себя (физически переставая существовать) зерно становится растением, которое своим отрицанием создаёт новое зерно. Разве процесс смерти (отрицания) и воспроизводства (деторождения) связан у всех живых организмов? Разве умирая, мы воспроизводим себя в новом качестве? А воспроизводя себя в новом качестве (рожая детей) человек обязательно умирает? Разве мы видим подтверждение этого правила цикличности хоть где-либо? Хоть в какой-либо науке цикличность является “универсальным законом развития”? Даже в математике, где Энгельс обосновывает цикличность через «а», «-а» и «а» в квадрате, мы видим ошибочность такого рассуждения, ибо «-а» даёт не «а» в квадрате (если а только не равно единице), но обычное «а».

Можно приводить частные примеры цикличности, вроде зима-лето (хотя и там зима остаётся обычной зимой, а не переходит с каждым циклом-годом в новое качество, иначе за миллиарды лет-циклов мы бы уже получили великанскую зиму из скандинавских саг), но нельзя всерьёз утверждать, что цикличность (а стало быть – и “закон” “отрицания отрицания”) универсальна и распространяется на развитие любого предмета.

14. Диалектический метод.

Пожалуй, наиболее важным теоретиком диалектического материализма можно считать Владимира Ленина. Гегель создал современную диалектику и использовал её для обоснования идеалистической картины мира. Маркс перенёс этот метод на общество, историю и экономику. Энгельс попытался обосновать правильность диалектики частными натянутыми примерами из мира природы. А Ленин пытался чётко сформулировать сам диалектический метод, дать ему не то широкое обтекаемое демагогическое понимание, как у Энгельса, но чёткие определения и чёткое понимание о предмете.

Так, Ленин стремился давать максимально чёткие определения диалектике и её инструментам… пользуясь при этом, правда, всё тем же диалектическим языком, сами определения в котором донельзя размыты. Тем не менее, в отличии от классического марксизма, для которого сила диалектики заключалась именно в её неопределенности, мы уже не можем сказать, что ленинская интерпретация диалектики основана исключительно на подмене понятий и терминов. Хотя в своей политической теории Ленин будет вовсю пользоваться такими демагогическими трюками, в диалектике он попытался дать максимально возможную в ней ясность, изложить диалектику человеческим языком, и достаточно чётким, а не отвлечёнными примерами, как это делает Энгельс. Ленинизм с его страстью к чётким определениям придал надёжную форму диалектике, пребывающей до того в довольно расплывчатой и обтекаемой форме. Подобную услугу в дальнейшем диалектике оказал разве что маоизм, с его стремлением к упрощению сложной марксистской теории так, чтобы её могли понять даже китайские крестьяне.

Уже сам Ленин отмечает, что диалектики, включая Энгельса, более склонны приводить множество примеров, чем формулировать некий “закон познания”. Однако формулируя эти “законы познания” более чётко, Ленин, находясь в плену диалектической терминологии, по сути, ничего не проясняет насчёт значения самих терминов, что оставляет широчайшую их трактовку.

> “Тождество противоположностей („единство” их, может быть, вернее сказать? хотя различие терминов тождество и единство здесь не особенно существенно. В известном смысле оба верны) есть признание (открытие) противоречивых, взаимоисключающих, противоположных тенденций во всех явлениях и процессах природы (и духа и общества в том числе). Условие познания всех процессов мира в их “самодвижении”, в их спонтанном развитии, в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей. Развитие есть „борьба” противоположностей. Две основные (или две возможные? или две в историй наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как

повторение" и развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними)".

Формулировки "законов" – более чёткие, чем у Энгельса. Однако, что насчёт терминологии? Терминология остаётся столь же расплывчатой. Что есть "противоположность"? Взаимоисключающие противоположные тенденции. По-прежнему абстрактное определение, которое еще можно толковать двояко. Можно было бы толковать в духе "*двух крайних сторон, максимально отличных друг от друга*", но уточнение "взаимоисключающие" вполне существенно говорит о том, что это действительно две противоположности в самом полном смысле, как чёрное и белое, как свет и тьма, как наличие стула в комнате и его отсутствие. При этом, однако, не стоит воспринимать эту полную противоположность в том же примитивном духе, как у Гегеля, где конкретный свет есть сочетание света и отрицания света. Диалектика Ленина писана спустя столетие после диалектики Гегеля, и здесь "*сочетание света и отрицание света*" уже не служит примером единства противоположностей. Такими примерами служат, например, соединение и диссоциация атомов, положительное и отрицательное электричество и так далее. И здесь положение противоречия, казалось бы, применимо в большей степени. Однако тут, опять-таки, видим две проблемы:

1) Речь идёт о совершенно разных явлениях. Электричество, действительно, вырабатывается противоположно заряженными ионами. Но соединение и диссоциация атомов вообще не о том. Например, вода является соединением атомов водорода и кислорода. Можно ли говорить, что водород является чем-то, прямо противоположным кислороду? Мы можем сказать, что они отличаются. Но мы не можем сказать, что они соотносятся как чёрное и белое, как положительный и отрицательный заряд. Это совершенно разные процессы. По факту, в одном случае Ленин говорит о взаимодействии реальных противоположностей. А в другом случае – о возможности атомов собираться в молекулы. Для сравнения, это как утверждать, что наличие у магнита противоположных полисов, и возможность собрать дом из кирпичей – явления одного порядка. Речь идёт о разных процессах, и Ленин вновь проделывает шарлатанский диалектический приём, объясняя их через один "закон".

2) Тот факт, что электричество вырабатывается ионами с противоположным зарядом, не доказывает, что это правило может быть перенесено в том или ином виде на развитие общества. А если бы и могло быть перенесено – то доказывало бы не необходимость победы пролетариата над буржуазией, но необходимость и пролетариата, и буржуазии, двух противоположностей, которые вместе и образуют целое и позволяют обществу развиваться.

Иной пример Ленина же и вовсе демонстрирует абсолютное непонимание основ элементарной логики. Чтобы продемонстрировать единство противоположностей, Ленин делает следующее. Мы берём два противоположных понятия: отдельное и общее. В количественном плане они противостоят друг другу. А затем делаем утверждение: Иван есть человек. И если Иван – это отдельное, а человек общее, то получается, что отдельное есть общее. То есть два противоположных понятия тождественны друг другу! В этом великом открытии Ленин, правда, совершенно упускает из вида, что «отдельное» само по себе является не абсолютной противоположностью «общего», но

частью «общего». И само собой входит в состав «общего». Такую логическую ошибку Ленин неоднократно будет совершать в политической теории, где будет происходить отождествление общего и отдельного.

Так, например, будет с понятием “диктатура”. Диктатура есть понятие общее. В понятие диктатуры входит, помимо прочего, принуждение, подавление. Стало быть, диктатура есть принуждение, подавление. А стало быть, подавление есть диктатура. Стало быть, подавление неизбежно включает в себя и все прочие признаки диктатуры. Подавление здесь есть общее, обобщающий признак, а диктатура – отдельное проявление подавления.

Логическая ошибка налицо. По факту, Ленин ставит знак равенства между общим и отдельным, понятием и признаком. Однако это так не работает. Мы можем сказать, что отдельное входит в состав общего. Однако отдельное само по себе не есть общее, а общее не есть отдельное. Признак, включаемый в понятие, не есть всё понятие, а понятие не есть лишь отдельный признак. Понятие есть сумма таких признаков. То есть если конкретный Иван есть человек, из этого не следует, что любой человек является Иваном, а любой обладатель имени Иван является человеком и обладает всеми свойствами человека. Хомяк по имени Иван не будет обладать развитым человеческим мышлением. Однако именно это и пытается доказать Ленин в своей политической теории, когда говорит, что если диктатура включает в себя такие разные признаки, как подавление и необходимость вождистской власти и государства, то, стало быть, и подавление подразумевает наличие вождистской власти и государства. Если A=b+c+d, из этого вовсе не следует, что A=b=c=d. A это сумма b, c и d, которые неравны друг другу. Эти самые основы логики и математики, известные еще младшей школе, остаются непостижимыми для диалектики даже еще и после её развития Лениным.

Однако именно это хитрое действие, по Ленину, означает самую основу диалектического метода. Мы должны обозначить «общее» как «отдельное», а «отдельное» как «общее», и уравнять эти два понятия. Всякий Иван есть человек, всякая диктатура есть подавление, всякое «отдельное» есть «общее». Всякий человек есть частично Иван, всякое подавление есть частично диктатура, всякое «общее» включает в себя частично «отдельное». «Отдельное», по Ленину, не может существовать вне связи с «общим». Потому в политике Ленин и отрицает насилие, подавление, принуждение вне государства. Однако таким же образом мы можем отрицать существование, например, человека вне игры в покер. Поскольку одним из отдельных в покере будет игрок – человек. Но мы можем представить человека вне игры в покер. Суждение Ленина есть классический пример нарушения причинно-следственной связи. Если A порождает B, из этого вовсе не следует, что B порождает A или немыслимо без A, или означает A. Если 3+4= 7, мы не говорим, что 3=7.

> “Таков же должен быть метод изложения диалектики вообще. Начать с самого простого, обычного, массовидного etc., с предложения любого: листья дерева зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака и тому подобное. Уже здесь (как гениально заметил Гегель) есть диалектика: отдельное **есть общее**. Значит, противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны: отдельное не существует иначе как в той свя-

зи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и так далее и так далее. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и так далее. Уже **здесь** есть элементы, зачатки понятия необходимости, объективной связи природы etc. Случайное и необходимое, явление и сущность имеются уже здесь, ибо, говоря: Иван есть человек, Жучка есть собака, это есть лист дерева и так далее, мы отбрасываем ряд признаков как случайные, мы отделяем существенное от являющегося и противополагаем одно другому.

Таким образом в любом предложении можно (и должно), как в «ячейке» («клеточке»), вскрыть зачатки всех элементов диалектики, показав таким образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика. А естествознание показывает нам (и опять-таки это надо показать на любом простейшем примере) объективную природу в тех же ее качествах, превращение отдельного в общее, случайного в необходимое, переходы, переливы, взаимную связь противоположностей. Диалектика и **есть** теория познания (Гегеля и) марксизма".

На этом, однако, диалектический метод не заканчивается. Из гегелевской диалектики Ленин подробно расписывает, в чём заключается диалектический метод.

Диалектический метод:

1) Рассмотрения предмета как "вещи в себе", то есть качества, понятия предмета без учёта его взаимодействия с прочими предметами.

2) Рассмотрение предмета как "бытия для иного", то есть отношения предмета ко всем прочим предметам.

3) Развитие рассматриваемого предмета "в целом".

4) Выявление противоречивых тенденций в предмете.

5) Рассмотрение предмета как единства противоположностей, суммы этих противоречивых тенденций.

6) Борьба противоположностей внутри предмета.

7) Применение логических инструментов анализа и синтеза – сперва разобрать предмет на отдельные составляющие и рассмотреть их (анализ), а затем соединить их обратно (синтез).

8) Выявить переход каждого явления в предмете в свою противоположность.

9) Бесконечное изучение и открытие новых сторон предмета.

10) Бесконечное изучение уже открытых сторон предмета.

11) Выявление не просто факта наличия разных сторон, но их взаимосвязи, причинности одной стороны другой.

12) Проявление в целом предмете свойств отдельных частей предмета.

13) Отрицание отрицания – цикличность развития по спирали, превращение предмета в свою противоположность и обратно.

14) Борьба содержания с формой. Переделывание содержания под форму и формы под содержание.

15) Переход количества в качество.

Иными словами – всестороннее обстоятельное бесконечное изучение предмета, отдельных его частей, взаимодействия этих частей, взаимодействие предмета с другими предметами и так далее. Это хорошо, это правильно. Это добросовестный подход к обычному логическому исследованию, предполагающий применение логических инструментов. Диалектический метод, однако, дополняется диалектическими же инструментами и попыткой впихнуть в него диалектические законы. Используя диалектический метод (по сути – измененный логический метод исследования) мы попадем в плен к диалектическим законам и всему из них вытекающему. Мы должны принять за правило полярность предметов, наличие сугубо двух определяющих сторон; цикличность спирального развития, и развитие предмета сугубо в двух состояниях; превращение предмета и отдельных его частей в своём развитии в свою противоположность… Это как понимать? Мужчина становится женщиной (если рассматривать отношения между полами), а покойник оживает (если рассматривать процесс жизнедеятельности)? Диалектика уверяет нас, что она (и её метод) применимы для изучения любого предмета, явления и процесса. Ну, допустим. Рассмотрим тогда котёнка, молекулу воды, и отношения мужчины и женщины.

Молекула воды состоит из водорода и кислорода. В чём её противоречивость? Являются ли её составляющими противоречиями друг друга? Переходят ли они в своём развитии друг в друга? Становится ли атом кислорода – атомом водорода, а оба атома водорода – атомами кислорода? Превращается ли в своём развитии молекула воды в некую свою противоположность? Ну, хотя бы на уровне превращения H_2O в HO_2? Если нет, то в какую свою противоположность превращается молекула воды?

Отношения мужчины и женщины. В этом процессе, как мы понимаем, две важнейшие составляющие – собственно мужчина и женщина. Это и есть те две противоположности. В ходе развития отношений превращается ли мужчина в женщину, а женщина в мужчину?

Котёнок. Мы можем определить котёнка как “детёныша кошки”. И исходя из такого определения, он превращается в свою противоположность – “взрослого кота”. А превращается ли “взрослый кот” в свою противоположность – котёнка? Нет. Зато если мы возьмём взрослого кота за определение “живой кот”, то со временем он превратится в свою противоположность – “мёртвого кота”. Следует ли из этого, что “мёртвый кот” – это такое возвращение “взрослого кота” в состояние “котёнок” в новом качестве, и что имеет место цикличное развитие? Кроме того, мы видим, что верность утверждения о превращении в противоположность – относительна, и зависит от того, какое определение мы возьмём за основу. Однако если это определение будет всегда одним и тем же, на выходе мы получим сущую ерунду, определение должно меняться, чтобы диалектическая формула налезла на реальность. Задним числом можно обосновать противоположность как угодно. Вот мужчина спал, и был “спящим человеком”, и теперь он проснулся и превратился в свою противоположность – “бодрствующий человек”! А вот он изменил пол и превратился в свою противоположность – “женщину”. А вот он умер, и снова превратился в свою противоположность – “мёртвый человек”. Грамотное применение диалектики (читай

– подмена терминов, понятий, определений) может обосновать в любом процессе хоть отрицание, хоть отрицание отрицания, хоть полярность, хоть превращение в противоположность, хоть переход количества в качество, хоть что угодно. "Научный метод диалектики" – это, как говорится, "натягивание совы на глобус", обоснование того, что данный процесс есть именно противоречие или отрицание или что угодно. Расширенное обтекаемое понимание самих диалектических терминов, которые могут означать всё что угодно, и не подразумевают иного результата. Они специально понимаются столь широко, чтобы сделать основанные на них "законы" поистине всеобщими. Однако, с таким же успехом мы можем вывести какие угодно "всеобщие законы развития". Например – "закон возможных изменений", который будет гласить, что, если что-то предпринять, что что-то, возможно, может измениться. Однако такой "закон", хоть он и является поистине универсальным и подпадает под любые примеры, не сообщает нам никакой информации.

Изложенное выше есть марксистский метод познания и анализа, никогда не работающий, противоречащий логике и раскритикованный современной наукой. Использование такого метода обуславливает многочисленные ошибки марксизма в анализе и политической теории. В конце концов, лучшим аргументом против "научной силы" диалектики является положение сегодня стран "соцлагеря" и российского марксизма. Если бы диалектика действительно была действенным "научным методом", применимым ко всем сферам жизни, то Советский Союз, в котором существовали целые марксистские институты, сумел бы при помощи диалектики верно спрогнозировать любые социальные, экономические, политические и исторические процессы – и, зная их, изменить их. Однако он оказался слеп перед историей, и пал жертвой собственных противоречий, которые диалектика не сумела рассмотреть. Сегодня, однако, марксисты рассматривают причины распада СССР не в ошибочности марксистской теории, ядром которой является диалектика, но, в том числе – неправильным применением диалектики. "Ваше заклинание не сработало не потому, что заклинание не работает, но потому, что вы его неправильно прочитали!".

Российские марксисты, всерьёз изучающие Маркса, Энгельса и марксизм, обладай они универсальным инструментом анализа всего и вся, за почти три десятилетия после распада СССР сумели бы овладеть этим методом, применить его, и увидеть не только ближайшее развитие общества, но и выработать наиболее эффективную стратегию своего развития. Вместо этого марксистские движения всё более деградируют. Многотысячные массовые движения девяностых сменились в нулевые менее массовыми молодежными движениями, которые распались, и в десятые годы марксизм представляет из себя лишь множество небольших кружков исследователей святого Маркса, которые в результате исследования не могут отыскать правильное применение этого "научного метода". Однако отсутствие результата убеждает марксистов не в неэффективности метода, но лишь в том, что они недостаточно стараются. Если изучение диалектики не вооружает их действующим "научным методом", значит нужно изучать диалектику еще лучше. Если и после этого качественных изменений не происходит – значит, нужно стараться еще лучше. Если пляска с бубнами не вызывает дождь – надо плясать лучше. На деле же изучение диалектики приводит марксистов лишь к постоянным расколам и спорам, поскольку диалектика не даёт им строгого "научного понимания", но напротив, предоставляет столь широкое поле

для трактовки и применения, что каждый марксист может создать при помощи этого "научного метода" собственную "глубоко научную" картину мира, входящую в противоречие со всеми прочими.

Строгое применение диалектики должно ставить перед марксистами такие вопросы, как выяснение главного противоречия, определяющее качество общества и марксистского движения, и меру количества, определяющую переход качества в другое качество и так далее. Но при этом диалектика не даёт совершенно никаких критериев, а потому не способна привести к согласию и послужить "научной основой" для анализа и создания единой системы взглядов на политику, экономику, тактику и стратегию. Что является ключевым противоречием сегодня в политике? Противоречие между империалистическими метрополией и периферией? Противоречие между либералами и консерваторами? Противоречие между диктатурой и парламентской "демократией"? Противоречие между пролетариатом и буржуазией? Противоречие между пролетариатом периферии и жителями метрополии или буржуазией метрополии? Противоречия между ксенофобными настроениями и меньшинствами? Какое из этих противоречий определяет современное общество как современное общество? Где две главные полярные противоположные тенденции нашего общества? Каким образом они переходят одна в другую? Каким образом происходит цикличное развитие по спирали нашего общества? Эти два состояния, между которыми переходит наше общество – что это за состояния?

Единственный способ применения диалектических "законов развития" к нынешнему и будущему без чётких критериев – это метод аналогии. Если мы не знаем, что является определяющим качеством, что является ключевым противоречием, но можем при помощи этих "законов" объяснить произошедшее задним числом, то всё что остаётся – это вывести критерии из истории, объяснённой задним числом. Отсюда вытекает такая страсть марксистов к историческим спорам и оценкам. В марксизме исторические оценки являются большим, нежели для любой иной теории. В марксизме исторические оценки дают критерии для настоящего и будущего. Потому марксизм зациклен на оценках прошлого, потому для марксизма основным вопросом политики становится не сегодняшний день и не завтрашний, но день вчерашний, поскольку только из него мы можем вывести меру дня сегодняшнего, получить необходимые критерии для оценок происходящих событий. При этом, конечно, невозможно найти в истории полностью аналогичные явления. Даже если два процесса являются схожими, у них неизбежно будут отличаться различные условия и обстоятельства, влияющие на сам процесс развития явления. Это усложняется произвольностью диалектического метода – как было сказано, мы можем подогнать любые произошедшие исторические события к "всеобщим законам диалектики" так, как нам будет удобно, и получить любые удобные для нас критерии. Потому, в конечном счёте, и исторические споры марксистов бесполезны, поскольку применяют именно тот самый диалектический метод, не дающий критериев. Для использования сегодня диалектического метода нужно или взять произвольные критерии, или получить их путём исторических аналогов. А для извлечения критериев из исторических аналогов нужно применить тот самый диалектический метод, предполагающий извлечение любых удобных для нас критериев. Получается замкнутый круг. Особо ярко беспомощность такого метода проявляется при серьёзных исторических событиях.

Например, война на Донбассе привела российских марксистов к копанию в истории и поиску аналогий, которые обосновали бы сущность украинского и российского режимов, которые оценивались не по своим внутренним характеристикам, но по принципу исторической аналогии. С помощью этого метода диалектики получали совершенно противоположные результаты: Россия превращалась в империалиста или борца с мировым империализмом; в Ирландию, Курдистан или Страну Басков обращались, по желанию конкретного марксиста, Украина или Донбасс; Путин превращался в Наполеона Бонапарта, противостоящего киевскому Гитлеру, или же в Гитлера, подавляющего буржуазно-демократическую революцию… Диалектика как метод показала своё полное банкротство и несостоятельность, и была променяна самими марксистами на метод самой примитивной исторической аналогии.

15. Анархизм и диалектика. Эмпиризм, позитивизм и индуктивно-дедуктивный метод

Проблема диалектики, её способность лишь объяснять уже известное, но не познавать неизвестное, заключается в том, что диалектика, строго говоря – это метод, почерпнутый марксистами не из науки, но из философии. Отличие философии от науки как раз и можно свести к тому, что философия – это теоретическое познание абстрактного мира, оперирующее абстракциями, в то время как наука – практическое познание конкретного мира, оперирующее конкретными фактами и законами. Философия познаёт мир абстрактными размышлениями, а наука – изучением конкретных фактов. В этом различии будет заложена ненависть марксизма к эмпирическим методам. Эмпиризм – это метод познания, признающий единственным источником знания – конкретный опыт. Эмпиризм утверждает, что любая теория должна быть подтверждена конкретными фактами. Мы не можем просто вывести в праздных размышлениях некое утверждение, и принять его за "научный закон". Необходимо проверить закон на практике, поставить эксперимент – соответствует ли этот закон реальности? Это абсолютно чуждо марксизму и диалектике. В данном случае, эмпиризм выступает как материализм, требуя подтверждения теориям в реальном мире. А марксизм и диалектика – как идеализм, удовлетворяясь лишь философскими размышлениями. С научной эмпирической точки зрения положения марксизма и диалектики не подтверждаются – что и вызывает дикую животную ненависть марксизма к эмпирическим методам.

Таким образом, "научный метод" и "научная основа" марксизма превращается, по факту, в "философский метод" и "философскую основу", противостоящие научным эмпирическим методам. Для своего времени – середины XIX века – это, возможно, было оправдано, когда социальные исследователи не обладали еще достаточными знаниями и фактами, и были вынуждены прибегать потому к философии. Этим характеризуются, например, и мыслители эпохи Просвещения, и большинство мыслителей XIX века. Даже если мы возьмём ту же диалектику – то она и её применение в социальной и экономической сфере тоже не есть "изобретение" марксизма. Первым использовать диалектику в качестве "научной основы" начал анархизм – Прудон, Бакунин[1] и даже Штирнер были диалектиками. Маркс же в значительной степени учился у Прудона, критически продолжал его. Однако Пётр Кропоткин уже переходит

[1] Относительно Бакунина следует понимать, что Бакунин полноценным диалектиком был лишь во времена своего первого этапа революционной деятельности в рамках национально-освободительных демократических революций в 1848-1849 годах, за несколько лет до этого он и «научил» Прудона диалектике, как сам Бакунин считал (см. «Воспоминания» Арборе Ралли). К этому периоду относится его «Дух разрушающий есть дух созидающий». В последствии Бакунин отказался от такой формулы (см.

на научные позиции позитивизма, провозглашающего ценность эмпирического знания (подтвержденного практикой) над философскими размышлениями. В отличии от своих предшественников-диалектиков, Кропоткин уже критикует диалектику за её неопределенность и отрыв от реальности:

> “Мы много слышали за последнее время о диалектическом методе, который рекомендуют нам социал-демократы для выработки социалистического идеала. Мы совершенно не признаем этого метода, который также не признается ни одной из естественных наук. Для современного натуралиста этот «диалектический метод» напоминает что-то давно прошедшее, пережитое и, к счастью, давно уже забытое наукой. Ни одно из открытий девятнадцатого века – в механике, астрономии, физике, химии, биологии, психологии, антропологии – не было сделано диалектическим методом”.

> “обобщения того времени, установленные либо диалектическим методом, либо полусознательной индукцией, отличались поэтому отчаянной неопределенностью. Первые из них основывались, в сущности, на весьма наивных умозаключениях, подобно тому как некоторые греки древности доказывали, что планеты должны двигаться в пространстве по кругам, так как круг – самая совершенная кривая. Только наивность этих утверждений и отсутствие доказательств прикрывались неопределенными рассуждениями, туманными словами, а также неясным и до смешного тяжелым стилем”.

> “достаточно вспомнить о многочисленных экономических ошибках, в которые на наших глазах впали недавно социалисты вследствие их при-

---

«Протест Альянса») и реже использовал диалектику, хотя по некоторыми сочинениям видно, что особый «диалектический» язык Бакунин явно использовал. Чем больше Бакунин утверждался в анархистском идеале, тем меньше в его собственной философии мы видим диалектику – сам Бакунин о диалектике никогда не говорил как о чем-то хорошем или как-то относящемся к анархизму. В «Боге и Государстве» (второй выпуск «Кнуто-Германской Империи…») диалектику можно разглядеть лишь в «Приложении, Философские рассуждения…», в моменте, когда Бакунин описывает как человеческий вид развивается обязательно от скотства к человечности. По большей же части поздний Бакунин философски был именно материалистом с большим уклоном в антитеологизм (почти каждый устав бакунистских организаций начинался со слов «Альянс определяет себя атеистическим и материалистическим»), с большими заимствованиями из позитивизма Огюста Конта (из которого, между прочим, развилась современная философия науки), а именно научный метод обобщения частных примеров и корректировка обобщения, если появляются иные частные примеры. Антитеологизм также в некотором роде есть заимствование из позитивизма. Несмотря на это Бакунин критиковал фетишизацию научного метода и диктаторские устремления контовского политического позитивизма. В пользу положительного отношения Бакунина к диалектике говорит упоминание в книге Драгоманова «Письма Бакунина Герцену и Огарёву» того, что тот же поздний Бакунин учил своих сторонников диалектической триаде «Государство (тезис) – Анархия (антитезис, как разрушения Государства) > Федерализм (синтез, новое, устоявшееся общество)». Однако в той же книге есть письмо, где Бакунин оценивает книгу Маркса «Капитал» как «экономическую метафизику», подразумевая под метафизикой именно диалектику; точно так же он поступает в книге «Государственность и Анархия». Все эти сведения говорят лишь о том, что если даже Бакунин и был диалектиком в свой анархистский период, то пользовался диалектикой в очень ограниченных масштабах, предпочитая скорее чистый, более научный материализм, о котором упоминал практически везде.

страстной склонности к диалектическому методу и метафизике в экономической науке, к которым они прибегли вместо того, чтобы обратиться к изучению реальных фактов экономической жизни народов".

Философскому диалектическому методу анархизм Кропоткина противопоставляет научный индуктивно-дедуктивный метод, который, по Кропоткину, является

> "правильным методом объяснения общественных фактов, – методом индуктивных наук, который состоит в нахождении объяснения всех социальных явлений в естественных причинах, самых близких прежде всего и самых простых, но не в сверхъестественных силах или метафизических гипотезах, зародившихся в словесных анализах".

При этом, однако, нужно сказать несколько слов и о позитивизме. Позитивизм гораздо более научен, чем диалектика, он делает ставку на изучение конкретных научных фактов, а не на изобретение умозрительных систем, основанных на предположениях. Однако и в позитивизме мы можем выделить, как и в диалектике, много таких сторон, которые определенно являются верными, и такие стороны, которые нуждаются в критике. Хотя соотношение верного и неверного в позитивизме будет совершенно иным, нежели в диалектике. И также следует отметить, что из позитивизма выводится не только анархо-коммунизм Кропоткина, но позитивизмом обосновываются также государственничество, расизм, дискриминация, либерализм и нацизм. Сами основатели позитивизма, Конт и Спенсер, например, имели весьма сомнительные политические идеи (в отличии от Милля – противника капитализма и рабства, сторонника кооперативов, социального государства и равноправия женщин). Как, впрочем, и диалектика не служит исключительно марксистской философией – мы упоминали, что на диалектике основаны также анархо-индивидуализм Штирнера, мютюэлизм Прудона, анархо-коллективизм Бакунина[2]. Более того, сам создатель современной диалектики – Гегель – был вообще крайне далёк от социализма, являясь сторонником монархии и империи. Диалектика Гегеля служила оправданием для откровенно реакционных направлений. Было бы ошибочно однозначно утверждать, что диалектика – это исключительно марксизм, а позитивизм – исключительно анархизм. К тому же, Кропоткин основывался на чистом, классическом позитивизме, который сегодня вряд ли кто-то воспринимает всерьёз. В отличии от диалектики, которая приняла вид догматической доктрины, и развивается скорее вширь, не переосмысливая основные тезисы, позитивизм развивался подобно всякой науке. Его ключевые положения переосмысливались, подвергались критике, отбрасывались. Постоянно шла дискуссия. Сегодня научное сообщество, так или иначе, стоит на принципах, исходящих из позитивизма, а не диалектики. Но это совсем не тот позитивизм, что был во времена Петра Кропоткина. К сожалению, мы не можем уделить рассмотрению позитивизма в рамках данной работы столько же внимания, как и диалектике. Однако стоит всё же описать основные идеи позитивизма и их развитие. Главное – воспринимать всё критично, и помнить, что большая часть этих идей вовсе не бесспорна.

[2] Как уже было сказано, такое утверждение – если не ложь, то сильное преувеличение.

16. Позитивизм

В развитии позитивизма можно выделить четыре основные стадии: классический позитивизм, эмпириокритицизм, неопозитивизм, постпозитивизм.

Классический позитивизм был разработан в XIX веке такими учёными, как Огюст Конт, Герберт Спенсер и Джон Стюарт Милль. Позитивизм отрицает философию как некую всеохватывающую и всеобъясняющую "сверхнауку". Своё знание о мире мы должны основывать не на кабинетных размышлениях и демагогических спекуляциях фактами, не на предположениях, но на точных научных знаниях, которые могут быть получены лишь эмпирическим путём исследования, наблюдения, опыта и эксперимента. На таких точных конкретных знаниях и должна строиться философия, превращенная в обычную науку. Эта наука не выдумывает сама какие-то сомнительные предположения, но лишь систематизирует и обобщает конкретные факты, полученные другими науками. То есть если метафизическая философия (включая сюда и диалектику) предполагает и утверждает некие "всеобщие законы развития", и объясняет мир через "бытие и ничто, во всё заложено противоречие, а стало быть физика должна работать так…", то позитивистская научная философия изучает данные конкретных наук и объясняет мир через "из физики мы знаем, вот это, а стало быть о мире мы можем сказать что…". То есть, по существу, разница между позитивизмом и диалектикой – это разница между материализмом и идеализмом. Хотя марксистская диалектика кичится своим материализмом, а позитивизм отрицает постановку вопроса "материализм и идеализм", но мы видим, что диалектический подход идеалистический, так как стоит на возможности познания мира через абстрактное мышление, и объясняет конкретные науки через выдуманные им самим мировые законы. Позитивизм же стоит на позиции необходимости изучения конкретных фактов, и объясняет мир через изучение конкретных наук.

Свою разницу с классической философией и религией позитивизм выражал очень просто. Он утверждал, что человеческое сознание в ходе развития проходит через три стадии. Сперва мир объясняется теологически – то есть через религию. Человек еще не может объяснить, почему идёт дождь и бьёт молния, а потому он вынужден выдумывать высшие силы, по воле которых и происходят те или иные необъяснимые явления. Затем наступает черёд метафизики. Метафизика уже пытается объяснить происходящие явления посредством разума и рассуждений. Однако наука еще не развита, и люди вынуждены прибегать пока к выдумыванию неких абстрактных свойств, внутренне присущих всему. Например, содержание в свете "света и отрицания света", или изобретение неких всеобъемлющих полярных "противоречий", двух начал и так далее. А затем, с развитием научного знания, наступает черёд позитивизма. Более нет надобности выдумывать и предполагать некие потусторонние силы и

абстракции, теперь мы можем руководствоваться непосредственными знаниями и фактами[1].

Аналогично человеческому сознанию развивается и человеческое общество, проходящее три стадии развития – традиционное общество, доиндустриальное и индустриальное. Что характерно, эта концепция имеет те же корни, что и формационная система марксизма, о которой мы поговорим в разделе, посвященном историческому материализму. Оба подхода восходят к утопическому социалисту Сен-Симону.

В отличии от диалектики, которая полагает для изучения чего угодно достаточным перенести на это диалектический метод и диалектические "законы" отрицания, противоречия и перехода количества в качество, позитивизм настаивает на необходимости изучения конкретных фактов и законов данной конкретной сферы. Потому там, где "научный метод" диалектики за два столетия не совершил ни одного научного открытия, за исключением "открытия", что у труда есть, оказывается, качественная и количественная сторона, а создание монополий приводит к коммунизму и прочих подобных сомнительных открытий, позитивизм создаёт конкретные науки, изучающие конкретные законы, на основе которых делаются научные открытия. Так, например, позитивистами была создана наука социологии, изучающая конкретные законы развития общества. Диалектика в противовес этому лишь пытается доказать, что общество функционирует по тем же самым законам, что и всё в этом мире. Например, если разрубить червя, пишет Энгельс, то всё равно у него с одной стороны останется рот, а с другой, простите, задница. А значит всё в этом мире полярно. Значит, и общество работает аналогично. То, что примеры не корректны и не сводятся к единому процессу, отца "научного коммунизма" не беспокоит.

Базовой из социальных наук позитивисты полагали психологию. Вообще же основным научным методом предлагалась индуктивная логика. То есть движение от частного к общему, на основе конкретных фактов выводятся некие общие положения.

Дальнейшее развитие позитивизм получил в конце XIX и начале XX века в эмпириокритицизме, который носил более идеалистический характер. Опыт – основа научного познания – сводился теперь, прежде всего, к ощущениям. Именно эта идеалистическая версия позитивизма была в своё время раскритикована Лениным.

Но наиболее сильные позиции в науке занял неопозитивизм, называемый также логическим позитивизмом. Как следует из названия, он полагал основными науками логику и математику. Своё начало логический позитивизм берёт в "Логико-философском трактате" австрийского учёного Людвига Витгенштейна.

Основные положения трактата заключаются в следующем. Мир есть совокупность фактов. Соединения объектов, вещей и предметов являются атомарными фактами. В отличии от диалектики, Витгенштейн отрицает вообще возможность представить "вещь в себе" – невозможно мыслить объект вне его связи с иными объектами. Каждый физический объект мы можем мыслить лишь как атомарный факт – в связи с другими объектами. В каждом объекте необходимо, прежде всего, познать его внут-

[1] Адаптацию такого позитивистского взгляда Бакуниным можно найти в работе «История Социализма».

ренние качества и все возможные способы вхождения в атомарные факты (способы взаимодействия с другими объектами). Аналогично, каждое соединение объектов может быть описано как целое, как соединение объектов, или же входящие в атомарный факт объекты могут быть рассмотрены по отдельности. Сами атомарные факты мы отражаем посредством образов, которые являются своего рода мысленной моделью действительного. Подобно тому, как атомарные факты состоят из объектов, образ каждого факта состоит из элементов, каждый из которых соответствует объекту, входящему в отображаемый атомарный факт. Важно построить образ факта правильно и соотнести его элементы в структуре образа также, как они соотносятся в атомарном факте. При этом, однако, мы можем построить образ такого атомарного факта, которого не существует в действительности. Логический образ фактов является мыслью. И подобно тому, как мир есть совокупность всех атомарных фактов, образ мира есть совокупность всех истинных мыслей.

Основным вопросом трактата является язык, которым выражаются мысли. Язык ограничивает нашу возможность формулировать мысли и познавать мир. Из этого можно вывести два положения. Что мы не можем выразить словами – то не существует. Язык есть образ мира, конкретных фактов. И если язык не может описать что-то, то этого не существует. Всё возможное – мыслимо, всё мыслимое можно выразить. С другой стороны, из этого следует необходимость правильно логически формулировать мысли, строить предложения. Например, фраза “есть ли Бог” не является ни ошибочной, ни истинной, она является вообще бессмысленной, поскольку невозможно эмпирически проверить этот факт. Да и вообще в реальном мире нет такого объекта “Бог”.

> “Большинство предложений и вопросов, высказанных по поводу философских проблем, не ложны, а бессмысленны. Поэтому мы вообще не можем отвечать на такого рода вопросы, мы можем только установить их бессмысленность. Большинство вопросов и предложений философов вытекает из того, что мы не понимаем логики нашего языка. (Они относятся к такого рода вопросам, как: является ли добро более или менее тождественным, чем красота?) И не удивительно, что самые глубочайшие проблемы на самом деле не есть проблемы”.

Тоже касается и диалектики. Витгенштейн отмечает, что невозможно, чтобы одно и тоже слово использовалось разными способами отдельно и в разных предложениях. Омонимы, по сути, являются разными словами, а не одним словом. Например, возьмём слово “зелёное” в двух смыслах. “Зелёное” как имя объекта. И “зеленое” как цвет. Если мы говорим “Зелёное есть зелёное”, мы используем два совершенно разных слова. Родниковый “ключ” – это не одно и то же слово, что и “ключ” от замка, но два разных. Используя это правило, мы увидим, насколько слаба и беспомощна диалектика, что нарядила совершенно различные слова в одну форму “противоречие”, “отрицание” и так далее. Её тезисы, “законы”, утверждения теряют вообще какой-либо смысл, поскольку в них отсутствуют конкретные слова. Мы вообще можем с полным правом вырезать из диалектики эти неопределенные слова-омонимы, которые подменяют друг друга в диалектике, и вставить на их место выражение

“неизвестное”. Это подобно “закону отрицания отрицания”, где “отрицание” может выражать вообще любое математическое действие. Мы можем сказать, что диалектика – это бессмыслица, она не несёт вообще никакого содержания. По крайней мере до тех пор, пока её положения не сформулированы более определенным и чётким образом (как, например, в маоизме).

Философия, по Витгенштейну, не является естественной наукой. Философия должна не создавать некие “философские предложения”, как это делает диалектика, но строго логически разъяснять значение обычных предложений.

> “Философия должна прояснять и строго разграничивать мысли, которые без этого являются как бы темными и расплывчатыми”.
>
> “Всё то, что вообще может быть сказано, должно быть ЯСНО сказано”.
>
> “Можем ли мы понять два имени, не зная, обозначают ли они одну и ту же вещь или две различные вещи? Можем ли мы понять предложение, в которое входят эти два имени, не зная, обозначают ли они одну и ту же или различные вещи?”[2].

Уже подобные постановки вопросов показывают, насколько более высоко стоит позитивизм (при всех его недостатках) по сравнению с диалектикой. Сами по себе поставленные эти вопросы уже разрушают всё здание диалектики, построенное как форма философии, “главенствующая” над науками и имеющая крайне расплывчатые определения. В противовес этому логический позитивизм говорит – философия должна лишь разъяснять достижения науки понятным языком, а не выдумывать за науку некие универсальные правила. Всё должно выражаться чётко и ясно и иметь вполне определенный смысл. То есть, в отличии от классического позитивизма философия уже служит не просто собранием данных, выявленных наукой, но имеет прямое отношение к разработке методологии анализа знаний. Можно сказать, что философия становится прикладной логической наукой.

Осознавая свою несостоятельность в свете поставленных вопросов, диалектика отплачивает позитивизму страстной животной ненавистью. Диалектика не совместима не только с позитивизмом, но даже с простой постановкой позитивизмом определенных вопросов.

Неопозитивизм признаёт метафизические (в том числе диалектические) утверждения бессмысленными. Бессмысленным предложение может быть ввиду грамматических ошибок или использования слов, не имеющих смысла. Либо же ввиду содержания бессмысленного набора слов, как “Цезарь есть простое число”. Мы не можем сказать что это утверждение верно или не верно, мы можем сказать что оно бессмысленно, поскольку само построение предложения исключает его истинность. Нет такой ситуации, в которой Цезарь превратился бы в простое число. Если только не прибегать к демагогии о том, что Цезарь один, а значит – простое число, посредством которой количественное измерение определяет сущность объекта как “простое число”. Верным или неверным может быть предложение, построенное

[2] !! Ключевой вопрос для понимания диалектики.

правильным способом, то есть предполагающее возможность истинности предположения. Например, “Цезарь был греком” является осмысленным предложением, но ложным. Мы можем представить себе, чтобы Цезарь был греком, но не можем представить, чтобы Цезарь был простым числом. Проблема, однако, в том, что как раз на основании таких бессмысленных предложений и построена метафизика (в том числе диалектика). Как тут не вспомнить Гегеля с его “*одно и тоже и не одно и тоже*” “*свет содержит свет и отрицание света*” и прочими шедеврами диалектики.

Науки, по неопозитивизму, делятся на формальные и фактуальные. Формальные науки – это те, истинность которых заложена в самих построенных ими предложениях. То есть логика и математика. Фактуальные науки – все прочие. Они должны соответствовать требованиям формальных наук и подтверждаться эмпирически. То есть если мы утверждаем в логике что “A=-(-A)”, или в математике, что 2x2=4, то эти положения мы можем проверить самим логическим или математическим методом. Поскольку, по сути, эти предположения тавтологичны, то есть утверждают одно и тоже разными словами. Мы можем сказать “четыре” или “два раза по два”, но речь идёт об одном и том же количестве. Можем сказать: “Женатый, значит не неженатый” – и это тоже будет тавтология, то есть повторение одного и того же в разных формах. То, за что Гегель попрекал логику – что она бессодержательна, не заключая в себе истину, а лишь предлагая метод, и делает её формальной наукой. А если мы утверждаем, например, что H_2O в ходе своего диалектического развития превращается HO_2, или общество неизбежно в своём развитии придёт к коммунизму – мы можем проверить это лишь эмпирически. Без эмпирического подтверждения это никакой не научный факт. Факты можно познать исключительно путём наблюдения, мы не можем их выдумать.

То есть чем отличается позитивистский факт от диалектических “законов всеобщего развития”? Вернёмся к ситуации с стулом в комнате. Утверждение “в комнате есть стул” проверяемо. Мы можем зайти в комнату и исследовать её на предмет наличия стула. То есть это предложение осмысленно, которое может быть верным, а может и не быть верным. И мы можем его проверить, и выявить факт наличия в комнате стула. А утверждение “стул состоит из двух взаимоисключающих противоположностей, которые в ходе борьбы переходят одна в другую, и тем самым осуществляют развитие, в ходе которого стул становится своей противоположностью” мы проверить не можем. Из чего состоит стул? Из каких противоположностей? Что это? Как они переходят одна в другую? Что такое противоположность стула? Это предложение не несёт никакого содержания и не может быть проверено в принципе. Мы можем наблюдать за стулом, конечно, и его развитием. Пройдут года, и он развалится. И тогда диалектик воскликнет “вот оно – разваленный стул и есть противоположность целого стула!”. А если стул не развалится, а будет сожжён, то опять-таки это будет противоположностью. Что бы со стулом не случилось – это можно назвать противоположностью стула. Но мы не можем проверить это утверждение, поскольку диалектическая “противоположность” не несёт никакого смысла. Если бы диалектика делала конкретное утверждение “стул превратится в стол”, тогда мы могли бы провести наблюдение за ходом развития стула и установить, так ли это. Но так как диалектика оперирует несодержательными высказываниями, то мы не можем проверить их истинность. Мы можем лишь задним числом объяснить про-

изошедшее, подогнать факты под диалектические формулы. Потому мы не можем спорить об истинности или ошибочности диалектики. Всё, что мы можем сказать – это то, что диалектика является бессмысленной. Её утверждения, "законы", термины – всё бессмысленно, не несёт никакого смысла.

В общем, фактом, тем более научным фактом, мы можем назвать только то, что подвергается проверке, и что имеет определенный смысл. Молекула воды состоит из атома кислорода и двух атомов водорода – есть варианты проверки утверждения. В ходе проверки выяснили что это так? Значит, это научный факт. Молекула воды состоит из противоположностей, которые превращаются одна в другую? Мы не можем этого проверить, поскольку непонятно, что понимать под противоположностями. Но мы можем проверить, превращаются ли молекулы водорода в молекулу кислорода, и определить, является ли это утверждение верным. Но в этом случае диалектики заявят, что мы не там ищем противоречие, противоречие в чём-то другом. Потому что, опять-таки, у диалектического противоречия нет никакого содержания.

Идеи Витгенштейна были развиты в 1920-ых в Вене так называемым "Венским кружком", который и основал логический позитивизм. Неопозитивисты пытались создать фундамент единой науки, основанной на индуктивной логике и правильно построенной логике языка. В середине XX века неопозитивизм господствовал в научном сообществе, оказав влияние на многие науки. Однако, в виду своего несовершенства, в пятидесятые годы всё более подвергается критике, и уступает постпозитивизму и аналитической философии, которые, в общем то, являются скорее усовершенствованными версиями неопозитивизма, не отрицая самые основы позитивизма, но подвергая критике многие его положения. В отличии от диалектики, не совершавшей научных открытий и не развивавшей науки, не признанной научным сообществом, позитивизм, в том или ином виде, оказал огромное влияние на действительное научное развитие, и разделяется научным сообществом. Позитивизм, как и диалектику, нельзя принимать на веру. Он подвергается критике даже со стороны сторонников, но это критика конструктивная, которая и позволяет развиваться позитивизму. Благо, позитивизм в отличии от диалектики заложен на критической основе, которая и позволяет ему развиваться, не застывая в неподвижном догматизме, подобно диалектике, в которой расплывчатость основных положений сделала её практически "неуязвимой" для критики и развития. Если брать предпосылки позитивизма, то нужно признать, что они гораздо более обоснованы и логичны, нежели диалектические "законы развития".

17. Научный метод.

Хотя марксисты всюду заявляют об обладании неким “научным методом”, диалектический метод в науке не применяется, и вряд ли с его помощью было сделано какое-либо научное открытие (если не считать “научными открытиями” постоянные пророчества марксистов о грядущей смене капитализма на коммунизм, которые они повторяют уже полтора столетия). Действительный метод, который применяется для познания хоть в науке, хоть в криминалистике, хоть в логике, хоть где – индуктивно-дедуктивный метод, тесно связанный с эмпирическим познанием.

Индукция – это обобщение, рассуждение от частного к общему. Мы наблюдаем определенные явления, и делаем некие обобщения, выводы. При этом индуктивный метод не является точным методом, он не гарантирует, что наши выводы будут абсолютно верны. Например, мы можем обжечься о горячий чайник. Затем мы обожжемся, взяв горячую кружку. И обожжемся в третий раз, прикоснувшись к раскаленной плите. Обобщив наш опыт, мы поймём, что горячие предметы обжигают. Это будет правильное индуктивное заключение. Или же мы можем увидеть и попробовать яблоко “грэнни смит”, а затем яблоко “гольден”. И мы сделаем выводы, что яблоки являются зелёными и кисло-сладкими. Это будет неверный вывод. Затем, когда мы увидим красное сладкое яблоко, наше представление о яблоках должно быть пересмотрено.

Проблема здесь в том, что мы, видя исключительно зеленые яблоки, не сможем утверждать существование красных яблок (если мы не будем знать этого из других источников). Мы сможем предполагать, что возможно существуют яблоки иного цвета и вкуса – красные, оранжевые, синие, жёлтые и фиолетовые. Но это будет просто предположение. Наука же основывается на фактах. И до тех пор, пока мы достоверно не уверены в существовании красного или синего яблока, мы не можем делать соответствующих утверждений, мы можем только предполагать. Потому наука не утверждает ничего в последней инстанции. Она делает утверждения только о конкретных фактах. И познания фактуальных наук постоянно изменяются. То, что было признано в XIX веке, обрастает новыми данными, какие-то положения дополняются, какие-то опровергаются. И те теории, которые сегодня являются господствующими, также будут дополнены или пересмотрены в будущем, поскольку наука (в отличии от диалектической метафизики) не стоит на месте. К сожалению, наше познание мира ограничено нашими субъективными опытом и знанием. А потому мы с большой долей вероятности не можем утвердить такую теорию, которая будет верна и неизменна всегда. Попытки вывести некую всеобщую вечную теорию (тем более, исходя из размышления, а не изучения конкретных фактов) антинаучны в своей основе. Однако, мы можем по-разному распорядиться нашим несовершенным знанием. Узнав на примере “гольден” и “гренни смит” вкус и цвет яблок, мы можем:

1) Сделать абсолютно неверное предположение о том, что яблоки синие и имеют горчичный вкус. Это будет в корне своём неверное предположение.

2) Сделать неверное утверждение, что мы ничего не узнали о вкусе и цвете яблок. Откуда мы знаем, все ли яблоки зеленые и кисло-сладкие, или не все? Мы не получили ровно никакой информации. Это будет элементарным неумением делать выводы из фактов.

3) Сделать неверное утверждение, что все яблоки зеленые и кисло-сладкие. Это уже применение индукции, но применение неправильное. Поскольку мы не можем сказать, все ли виды яблок нам известны.

4) Сделать верное утверждение, что по крайней мере некоторые виды яблок являются зелеными и кисло-сладкими. Либо что все известные нам виды яблок являются зелеными и кисло-сладкими. Это будет единственно верное утверждение, которое мы можем сделать исходя из полученных данных. В дальнейшем, когда мы ознакомимся с красным сладким яблоком, это утверждение будет дополнено новыми фактами. В то время как утверждение о том, что все яблоки зеленые и кисло-сладкие, было бы опровергнуто.

То есть посредством индукции мы не приобретаем какое-то конечное, полное знание, но лишь движемся в эту сторону, постоянно собирая и обобщая новые данные.

После того, как произведены анализ и обобщение фактов, необходимо вывести какое-то следствие, теорию, которая позволит предвидеть новые факты. Например, если я обжёгся трижды о горячий чайник, кружку с кипятком и раскалённую плиту, я обобщаю полученный опыт и делаю вывод, что горячие предметы обжигают. Если нагреть чайник, он будет обжигать.

Далее следует эксперимент. Вывод нужно проверить. Я прикасаюсь к остывшему чайнику – ожога нет. Стало быть, ожог получается только при нагревании чайника. Нагреваем чайник, прикасаемся к нему, обжигаемся – эксперимент успешен и подтвердил наши выводы.

При этом существуют споры касаемо того, каким образом надлежит проверять теорию на практике. Существуют мнения, что теория должна подтверждаться конкретными фактами. То есть выдвигая предположение, мы должны подтвердить его какими-либо фактами. То есть, например, делая утверждение что все яблоки зеленые, мы можем сослаться на “гольден” и “гренни смит”. Однако существует иной метод – фальсифицируемость теории. При помощи этого метода мы можем выявить, насколько та или иная теория является научной. Он основан не столько на поиске подтверждающих теорию фактов, сколько на поиске фактов, опровергающих теорию. Принцип фальсифицируемости говорит нам, что теория является научной только в том случае, если мы можем поставить такой эксперимент, который мог бы опровергнуть теорию и её основные положения. То есть возьмём за теорию “все яблоки зеленые”. Мы можем сказать, что для того, чтобы теория была признана ложной, достаточно пойти в магазин, купить красное яблоко и принести его. Эта теория проверяема. Для её опровержения достаточно красного яблока. А вот вторая теория – “если что-то сделать, то что-то, возможно, изменится”. Мы не можем представить себе такой эксперимент, который мог бы опровергнуть данную теорию, так как что бы мы не предприняли, это будет укладываться в рамки этой теории. Следовательно,

эта теория не научна. Проблема для диалектики в том, что все её теории и утверждения носят такой вот неопровергаемый характер. Её можно натянуть на всё, что угодно. Следовательно, она не фальсифицируема, не проверяема. Следовательно – не научна.

Как это используется в политике? Можно вспомнить спор между марксистами и анархистами о рабочем государстве. Марксисты, основываясь на диалектике, предвещали, что рабочее государство диктатуры пролетариата, взяв в руки всю собственность, будет диктатурой лишь для буржуазии. А для рабочих это будет самая широкая демократия. В конце концов, государство само собой отпадёт, произойдёт переход количества в качество, отрицание, и наступит безгосударственный коммунизм. Эти выводы были получены при помощи не логики, индукции или эмпирического метода, но посредством диалектики. Потому что это соответствовало тому, что марксисты полагают "всеобщим законом развития".

Анархист Пётр Кропоткин же, пользующийся логикой и индуктивно-дедуктивным методом, сосредоточился не на изучении неких "всеобщих законов развития", а на изучении конкретных законов, по которым действует общество и государство. И потому он знал, что государство не может быть "рабочим". Любые правители, как только они получат власть, будут заинтересованы прежде всего в сохранении своей власти и подавлении общества. Государство – это институт, стоящий над обществом, он неизменно будет стремиться к подавлению общества. Кропоткин вполне эмпирически и в духе индуктивно-дедуктивного метода выводил из опыта истории невозможность уничтожения государственности посредством государства. Государство устроено для подавления, а не освобождения.

Итак, мы видим два тезиса. Диалектический – овладев государственной машиной, социалисты направят её на дело освобождения народа, поведут в сторону отрицания государства и перехода к новому, безгосударственному типу общества. И эмпирический, индуктивно-дедуктивный – овладев государственной машиной, социалисты сами превратятся в диктаторов, вместо диктатуры пролетариата будет диктатура над пролетариатом. Вся история XX века может служить экспериментом, разрешившим этот вопрос. Индуктивно-дедуктивный метод и здесь оказался более научен, нежели марксистская диалектика… Но проблема в том, что марксисты отрицают эмпиризм, для них конкретный опыт, наблюдения, эксперименты не являются научным методом. "Научный метод" – это рассмотрение процессов в соответствии с "законами всеобщего развития". И если весь опыт говорит против их "научной теории", то, стало быть, проблема в опыте. Нужно разбираться, что не так было в эксперименте, и ставить такой эксперимент, чтобы социалисты привели государство к отмиранию. Вот это – научный подход, согласно диалектике. Поскольку, хоть это ничем не подтверждено, но диалектикой "научно доказана" неизбежность перехода к социализму. А стало быть, неизбежность коммунизма и диктатура пролетариата на пути к нему – научный факт. И пускай факты и опыт говорят об обратном – но они не учитывают диалектическую сторону вопроса, ненаучно ссылаться на них!

Нужно ли говорить, с какой животной ненавистью диалектика атакует эмпиризм и индукцию? Диалектика не может быть подтверждена эмпирическими методами, не может быть подтверждена математически или логически – и всё что ей остаётся, это воевать против логики, против математики, против опыта и фактов.

Один из известнейших постпозитивистов Карл Поппер так писал о такой “научности” марксизма:

> “Марксистская теория истории, несмотря на серьёзные усилия некоторых её основателей и последователей, в конечном итоге приняла эту практику предсказаний. В некоторых своих ранних формулировках (например, в Марксовом анализе характера «грядущей социальной революции») она давала проверяемые предсказания и действительно была фальсифицирована … Однако вместо того, чтобы признать это опровержение, последователи Маркса переинтерпретировали и теорию, и свидетельство с тем, чтобы привести их в соответствие. Таким путём они спасли свою теорию от опровержения, однако это было достигнуто ценой использования средств, сделавших её неопровержимой. Таким образом, они придали своей теории «конвенционалистский характер» и благодаря этой уловке разрушили её широко разрекламированные претензии на научный статус”.

Возвращаясь к научному методу. После того, как посредством индукции, логики и эмпиризма мы обозначили и проверили теорию, мы можем пользоваться её положениями. В ходе индукции мы шли от частного к общему. Мы обобщали какие-то положения конкретных фактов. Теперь мы можем делать иначе. Идти от общего к частному. Дедукция является гораздо более точным и надёжным методом, чем индукция. Индукция, даже при большом количестве обобщаемых фактов, не даёт нам стопроцентно достоверного вывода. Дедукция же при верных изначальных данных даёт точный результат. Например, посредством индукции мы выяснили, что горячие предметы обжигают. Посредством дедукции мы можем понять, что если горячие предметы обжигают, то чайник, вскипев, будет обжигать.

Вообще же отличия индукции, дедукции и диалектики легко можно показать на примерах.

Например, индукция.

Факты: социалистические кооперативы, созданные для изменения мира на началах новой кооперативной экономики, либо распадались, либо превращались в обычные капиталистические предприятия. В качестве частных фактов мы можем взять Фамилистер в Гизе, кооперативы оуэнистов в Англии, и кооперативное движение “Рыцарей Труда” в США.

Обобщающий вывод – кооперативы не способны изменить капиталистическую экономику на социалистическую. В ходе своего развития кооперативы могут лишь встроиться в капитализм наряду с остальными капиталистическими предприятиями.

Дедукция.

Факт: группа панков из Москвы создала кооператив, видя в нём альтернативу капиталистической экономики, надеясь преобразовать мир.

Применив обобщающий вывод, полученный индуктивно из опыта Фамилистера в Гизе, оуэнистов и “Рыцарей Труда”, методом дедукции мы поймём, что мир они не преобразуют, а либо встроятся в капитализм и превратятся в обычный бизнес, либо кооператив распадётся.

Диалектика.

В ходе развития кооператив превратится в свою противоположность, которая в ходе своего развития превратится в кооператив в новом качестве.

Индукция и дедукция дают нам чёткие ответы. Диалектика же ответов не даёт. Чем бы кооператив не стал – распался бы он, или превратился бы в обычное капиталистическое предприятие, но мы можем сказать, что произошло отрицание, кооператив перестал быть кооперативом. Чего-бы потом не случилось, это тоже можно трактовать как отрицание отрицания. Например, некоторые люди из распавшегося кооператива завели собственный бизнес? Вот оно, отрицание отрицания! Возвращение к бизнесу в новом качестве – не кооперативном, но частном. Или, кооператив не распался, но превратился в обычный капиталистический бизнес? Ну, вот оно, отрицание. Бизнес разросся и стал крупным акционерным обществом? Так чем это не возвращение к кооперативу в новом качестве? Бизнес разорился? Ну, произошло отрицание отрицания. Бизнес, который был отрицанием кооператива, распался. И тем самым изначальные антикапиталистические идеи кооператива одержали верх над своим капиталистическим отрицанием. Вообще, что бы не произошло – всё можно обосновать задним числом этой схемой, и при этом само утверждение останется верным. Мы можем представить, гипотетически, ситуацию, при которой кооператив не распадётся и не превратится в обычный капиталистический бизнес – и тогда наши индуктивно-дедуктивные выводы можно признать ошибочными. Хотя весь опыт кооперативного движения говорит об обратном – что кооператив либо распадётся, либо встроится в систему. Потому мы можем утверждать из бесконечного множества возможных вариантов, что случится либо это, либо это. В этом сама суть прогнозирования – обозначить те варианты из множества возможных, которые произойдут. Диалектика же даёт нам такой ответ, который не говорит нам ничего о судьбе кооператива, но которым задним числом можно обосновать вообще всё, что бы с кооперативом не произошло. Мы не можем представить себе такой ситуации, которую, при известном демагогическом умении, нельзя было бы объяснить с помощью диалектики. То есть диалектика не сообщает нам вообще ничего, она подобно тем шарлатанам-ясновидящим, что говорят запутанным языком такие туманные фразы, что подогнать их можно под что угодно.

Если мы говорим о таких инструментах, как индукция, дедукция, логика в целом, эмпиризм, принцип фальсифицируемости – то мы можем говорить о некоем “научном методе”, поскольку такой метод может сообщить нам конкретные факты, дать определенные выводы и знания. Они могут быть ошибочными, могут быть верными. Но в целом мы можем делать выводы посредством данных инструментов. Диалектика же не может сообщить нам вообще ничего, кроме туманных предсказаний и объяснений задним числом. Диалектика не способна дать нам никаких выводов. Всё вышеизложенное достаточно ярко указывает на ненаучность диалектики. И понятно, что тем отчаяннее диалектика будет сопротивляться логике, индукции, эмпиризму… Дошло до того, что диалектика в попытке защитить себя пришла к отрицанию одного из важнейших логических инструментов, позволяющего делать нам обобщения – индукции.

Индуктивный метод подвергся критике со стороны диалектики еще Фридрихом Энгельсом. Энгельс был столь уверен в себе, как в учёном (как это контрастирует с его

“широкими” познаниями в математике и логике!), что даже осмелел настолько, что клеймил Ньютона “индуктивным ослом” за его приверженность индукции. К сожалению для диалектики, индукция помогла Ньютону сделать ряд великих открытий, Энгельсу же диалектика помогла задним числом обосновать открытия, сделанные индукцией. Впрочем, Энгельс еще не критикует индукцию как метод. Он критикует индукцию как основной метод, вступая в полемику с теми индуктивистами, кто полагает индуктивный метод единственно верным и полностью точным. А полностью точной индукция, как мы видели выше, не является, как не является единственным инструментом познания. А потому полемика Энгельса с индуктивистами нам, в общем, безынтересна (как безынтересна полемика Ленина с эмпириокритиками).

Окончательно непримиримую позицию против индуктивного метода диалектика занимает во второй половине двадцатого века в лице видного марксистского философа Эвальда Ильенкова. Ильенков критикует индуктивный метод, опять-таки, за его неточность. Коль индуктивный метод не даёт нам точных результатов, коль он может быть ошибочным, коль он не даёт нам абсолютного окончательного знания – стало быть, он не верен. Проблема здесь в том, что нет такого метода, который дал бы нам абсолютное знание сразу и окончательно. Индукция помогает делать некоторые обобщения уже имеющихся знаний. Но нет такого инструмента, который дал бы нам новые знания из ничего. Мы можем только наблюдать новые факты и анализировать их. Мы не можем выдумать какие-то факты и закономерности из головы. Тем более, что диалектика презрительно относится к эмпирическому методу, к изучению конкретных фактов, и всё что может предложить взамен – это давать такие понятия, которые невозможно опровергнуть и будут верны всегда. Это утверждает сам Ильенков: “*Определения понятий должны характеризоваться всеобщностью и необходимостью, то есть должны быть заданы так, чтобы их не мог опровергнуть никакой будущий опыт*”.

Здесь мы видим полностью противоположный подход постпозитивистскому методу фальсифицируемости. Если научный метод фальсифицируемости говорит нам, что теория является научной тогда, когда есть какие-то условия её опровержения, то есть когда она утверждает что-то конкретное, то “научный метод” диалектики утверждает, что теория тогда научна, когда она сформулирована таким образом, что ничего в будущем её не сможет опровергнуть. Отсюда и расплывчатость, и неопределенность диалектики, не утверждающей ничего конкретного. Нужно ли говорить, что действительная наука идёт по пути утверждения конкретного, а не абстрактного? И если мы посмотрим на действительную науку – со временем все её положения пересматривались и опровергались.

Если мы вернемся к примеру с яблоками, то мы можем утверждать что “некоторые яблоки зеленые и кисло-сладкие”. Диалектика же должна сделать такое утверждение, которое будет верным, даже если зеленых и кисло-сладких яблок не будет вовсе. Чтобы утверждение о цвете и вкусе было верным всегда и абсолютно неопровержимым вне зависимости от того, какую ситуацию мы бы не представили, это может быть одно единственное утверждение “яблоки имеют цвет и вкус”. Такое утверждение, пожалуй, действительно невозможно опровергнуть. Но оно не даёт нам никакой информации. Оно бесполезно. Но по Ильенкову – оно является всеобщим, а значит – научно.

Обычная логика, согласно диалектике, уже имеет весьма далёкое отношение к процессу познания. На смену ей приходит новая “диалектическая логика”, производящая новые знания из старых знаний. И в соответствии с этой логикой и развивается наука – даже если сами все учёные руководствуются антидиалектическими установками, всё равно они развивают науку в духе диалектики, говорит Ильенков.

> “к познанию реального мира “вещей в себе” логика не имеет ни малейшего касательства, ни малейшего отношения. Она применима лишь к уже осознанным (с ее участием или без него) вещам, то есть к психическим феноменам человеческой культуры… по отношению к образам восприятия как таковым, к ощущениям, к представлениям, к фантомам мифологизирующего сознания, включая сюда представление о боге, о бессмертии души и тому подобном, законы и правила логики неприменимы. Они, конечно, служат и должны служить как бы ситом, которым названные образы сознания задерживаются на границах научного знания. И только. Судить, верны ли эти образы сами по себе, играют они позитивную или негативную роль в составе духовной культуры, мышление, ориентирующееся на логику, не имеется ни возможности, ни права”.

> “наука и практика, совершенно независимо от сознательно усвоенных логических представлений, развиваются в согласии с теми всеобщими закономерностями, которые были обрисованы диалектической традицией в философии. Это может происходить (и фактически происходит), даже если каждый отдельный представитель науки, участвующий в ее общем прогрессе, сознательно руководствуется недиалектическими представлениями о мышлении. Наука в целом, через столкновения взаимно провоцирующих и корректирующих друг друга недиалектических воззрений, развивается все же в согласии с логикой более высокого типа и порядка.

> Теоретик, которому посчастливилось наконец найти конкретное решение затянувшегося спора, объективно вынужден мыслить диалектически. Подлинная логическая необходимость пробивает здесь себе дорогу вопреки сознанию теоретика, вместо того чтобы осуществляться целенаправленно и свободно. Поэтому оказывается, что крупнейшие теоретики, через мышление которых на деле пролегает столбовая дорога развития науки, как правило, руководствуются все же диалектическими традициями в логике…… именно диалектика, и только диалектика, есть действительная логика, в согласии с которой совершается прогресс современного мышления. Именно она и действует в “точках роста” современной науки, хотя бы этот факт и не сознавался в полной мере самими представителями науки. Вот почему логика как наука совпадает (сливается) не только с диалектикой, но и с теорией познания материализма”.

То есть как это выглядит. Диалектики как бы говорят “окей, пускай диалектика не сделала ни одного научного открытия. Пускай все учёные развивают науку

посредством индукции и эмпиризма, отрицаемых нами. Но всё равно мы будем утверждать, что все их открытия принадлежат диалектике". На деле, конечно, назвать подобные утверждения чем-либо, кроме дешевой демагогией, спекуляцией и отрицанием реальности невозможно. Фактически, делая подобное утверждение, Ильенков расписывается в несостоятельности диалектики. Только представьте себе спор двух ученых. Один утверждает, что чтобы выяснить, что находится внутри кокоса, необходимо действовать эмпирически – разбить его и заглянуть внутрь. Второй утверждает, что достаточно мысленно представить, что там. После того, как первый ученый разбивает кокос, второй говорит: "Ты только подтвердил моё мнение. Именно это я и предполагал. Ты действовал неправильным методом, но пришёл к правильному результату, который на самом деле принадлежит моему методу". Понятно, что второй учёный – никакой и не учёный вовсе, а дешевый шарлатан, даже спорить с которым бесполезно, поскольку он будет каждый раз делать подобные абсолютно демагогические утверждения. Но что это за "научный метод" такой, который не может ничего открыть, но способен только делать утверждения о том, что другой, неправильный научный метод своими открытиями лишь подтверждает правильность первого "научного метода"?

Однако, из этого диалектика выворачивается также очень легко. Она доказывает… что диалектика и есть логика, а логика есть диалектика. А следовательно те учёные, которые пользуются нормальной человеческой логикой, просто пользуются неправильной формой диалектики. Следовательно, все их выводы принадлежат диалектике.

> "Логика (то есть материалистическая теория познания) полностью и без остатка сливается с диалектикой. И опять-таки налицо не две разные, хотя и "тесно связанные" одна с другой, науки, а одна и та же наука. Одна и по предмету, и по составу своих понятий. И это не "сторона дела", а "суть дела", подчеркивает Ленин. Иначе говоря, если логика не понимается одновременно как теория познания, то она не понимается верно.
>
> Так что логика (теория познания) и диалектика находятся, по Ленину, в отношении полного тождества, полного совпадения по предмету и по составу категорий. У диалектики нет предмета, отличного от предмета теории познания (логики), так же как у логики (теории познания) нет объекта изучения, который отличался бы от предмета диалектики. И там и тут речь идет о всеобщих, универсальных формах и законах развития вообще, отражаемых в сознании именно в виде логических форм и законов мышления через определения категорий. Именно потому, что категории, как схемы синтеза опытных данных в понятии, имеют вполне объективное значение, такое же значение имеет и переработанный с их помощью "опыт", то есть наука, научная картина мира, научное мировоззрение".

По большому счёту, мы возвращаемся к гегелевской критике логики, которая является просто инструментом, методом, а не даёт знания сама по себе.

> "без категорий, выражающих универсальные формы и закономерности действительности, нельзя вообще ни понять, ни выразить "специфики

> мышления”, а логика, замыкающаяся в рассмотрении так называемой “специфики мышления”, то есть рассматривающая мышление “само по себе”, вне его отношения к действительности, в итоге не схватывает как раз искомой “специфики”, подменяя логический аспект исследования психологическим, феноменологическим, описательно-историческим или лингвистическим рассмотрением”.

Это сродни тому, как отрицать математическую формулу X+2X=3X. Потому что мы не знаем чему равен X. Может быть, на выходе получится не 3X. X должен быть конкретным, не зная о X ничего, мы не можем решать уравнение как 3X, говорит диалектика. По факту, тем самым, диалектика пытается перевести логику из формальных наук, из метода, в науки фактуальные, в простое собрание фактов. Обычная логика служит методом, инструментом для познания фактов. Но диалектика отрицает и эмпиризм – непосредственное познание фактов, и логику как метод работы с фактами. Вместо этого логика должна стать самим методом, непосредственно дающим факты.

Эта новая диалектическая “логика” уже вовсю отрицает положения старой логики. Отрицается принцип непротиворечия, где противоречие указывало на ошибку. Наоборот, теперь противоречие – это логическая необходимость:

> “Противоречие здесь выступает уже не как свидетельство “неправильности”, “ошибки” (как его толковала старая, недиалектическая логика), а как важнейший логический принцип и форма развития определений, как принцип логического перехода от факта к факту. Этот принцип только и обеспечивает объективность перехода от категории к категории, то есть согласие развития определений с развитием действительности”.

Эта новая “логика” отрицает необходимость непротиворечивости теории.

Диалектика уже прямо заявляет, что если теория противоречит реальной жизни, то это не значит, что теория не верна. Нужно не изменить теорию таким образом, чтобы она соответствовала фактам. Нужно просто признать теорию, и её нежизнеспособность объяснить свойственными всему в этом миру противоречиями.

> “Если всеобщий закон противоречит эмпирически-общему положению вещей, то эмпирик сразу видит выход в том, чтобы изменить формулировку всеобщего закона с таким расчетом, чтобы эмпирически-общее непосредственно подводилось под нее. На первый взгляд так оно и должно быть: если мысль противоречит фактам, то следует изменить мысль, привести ее в соответствие с общим, непосредственно данным на поверхности явлений. На самом деле такой путь теоретически ложен…
>
> В чем же заключается диалектико-материалистический способ разрешения антиномии? Прежде всего следует констатировать, что реальные противоречия […] не исчезают. Более того, они предстают здесь как необходимые противоречия самого объекта, а вовсе не как результат ошибочности мысли, неточностей в определениях и тому подобное”.

Если теория противоречит фактам, то "*антиномии* [...] *теории – вовсе не логические, а реальные противоречия объекта*". Нужно ли говорить, что такой "научный метод" вообще полностью бесполезен? Ибо мы можем любое противоречие в теории обосновать наличием противоречия внутри объекта? Мы можем вывести любую теорию, и абсолютно любая теория, за исключением верной, непротиворечивой теории, будет, согласно диалектике, верна? Поскольку если во всём в этом мире существует противоречие, и это снимает с теории необходимость считаться с практикой, то любая ошибочная теория, любое несоответствие теории фактам, любые логические противоречия запросто могут быть объяснены фактическим противоречием рассматриваемого объекта? А если, напротив, теория верна, непротиворечива и соответствует фактам – то это уже верный признак оспорить её, так как она не считается с объективными противоречиями, игнорирует их.

Более того, диалектика отрицает индукцию как метод познания. Мы не можем переходить от частного к общему, поскольку тогда выводы могут быть ошибочными, говорит диалектика. А потому мы должны исходить от абстрактного к конкретному. Что это значит? Ильенков поясняет такой метод словами Энгельса:

> "При этом методе мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами, следовательно, в данном случае из первого экономического отношения, которое мы находим. Это отношение мы анализируем. Уже самый факт, что это есть отношение, означает, что в нем есть две стороны, которые относятся друг к другу. Каждую из этих сторон мы рассматриваем отдельно; из этого вытекает характер их отношения друг к другу, их взаимодействие. При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мышления, который происходит только в наших головах, а действительный процесс, некогда совершавшийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое разрешение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения, две противоположные стороны которого нам надо будет развить и так далее".

Очевидно, что, отрицая индукцию, диалектика по факту пытается совершать её же. Рассматривается частный пример экономических отношений, на основании которого происходит некоторое обобщение. То есть по факту это всё тоже движение от частного к общему, просто испорченное диалектическим методом. Например, положением о полярности, и о том, что у отношений только две стороны. Можно сходу привести множество таких экономических отношений, которые не соответствуют диалектическому принципу полярности, в которых большое количество разных сторон.

Кроме того, если обычное индуктивное логическое обобщение не утверждает своей непогрешимости, и утверждает лишь большую или меньшую вероятность обобщения, то диалектическое "научно-теоретическое" обобщение, сделанное, исходя из "первого и наиболее простого" примера, мало того что утверждает непоколебимость

и точность своих выводов, но и распространяет их на все экономические отношения (и, сверх того, на примере "первого и наиболее простого отношения" пытается вывести и подтвердить общую формулу для всех отношений в любой сфере).

В своём анализе диалектика, отрицающая индукцию (а на самом деле – неумело её применяя), провозглашает верность лишь дедуктивного метода, то есть переход от общего к частному. Однако проблема в том, что чтобы иметь "общее", нужно сперва совершить индукцию, провести обобщение, которое позволит нам создать определенные категории, которыми мы можем пользоваться при дедукции. Откуда диалектика берёт эти категории, если не из индукции? Точнее, кроме неправильного применения индукции? Мы можем проследить это на примере всей гегелевской логики. То самое "абстрактное", которое провозглашается диалектикой, получено не путём обобщений фактов, но исключительно философскими рассуждениями, спекуляциями на тему "бытия" и "ничто". "Абстрактное" – это некое идеализированное, выдуманная вещь в вакууме в отрыве от остального мира. Это "чистое" бытие, бытие в себе. То есть прежде, чем пользоваться диалектическим методом, мы должны представить такую оторванную от остального мира вещь или систему, и от её анализа переходить к рассмотрению конкретной вещи или системы. Проблема в том, что абстрагирование, создание абстракций, в логике осуществляется тоже через индукцию, обобщение, в ходе которых из рассматриваемого объекта удаляется всё несущественное для конкретного анализа.

> "То же самое относится и к абстрактному, которое и опять-таки в согласии с простой этимологией определяется как отвлеченное, как извлеченное, как обособленное, "вынутое", "изъятое" вообще. Безразлично откуда, как и кем, безразлично в какой форме зафиксированное – в виде ли слова, в виде ли наглядного чертежа-схемы или даже в виде единичной вещи вне головы, вне сознания. Нагляднейший чертеж может быть абстрактнейшим изображением некоторой сложной системы вещей-явлений, некоторого конкретного. Абстрактное понимается как один из ясно очерчивающихся моментов конкретного – как частичное, односторонне неполное (потому всегда по необходимости ущербное) проявление конкретного, отделившееся или отделенное от него, относительно самостоятельное образование, мнимо независимый его момент".

Мы видим, что, "опровергая" действительный научный метод, отрицая индукцию и эмпиризм, логику и математику, диалектика лишь пытается воспроизвести "улучшенные" при помощи диалектических "всеобщих законов" логику, индукцию и математику, и обосновать это действительным "научным методом".

18. Итоги. Научна ли диалектика?

Итак, мы можем сказать, что диалектика является глубоко антинаучной по следующим причинам:

1) В своих “законах всеобщего развития” диалектика использует омонимы – совершенно различные понятия, обозначаемые одним словом. Верность “законов” диалектики может быть принята только при подмене понятий в “законах” в зависимости от ситуации. То есть мы вообще не можем говорить о каких-либо чётко определенных “научных законах” диалектики.

2) Сами “законы” обозначают и обобщают совершенно различные явления и процессы. Как это было продемонстрировано на примере “закона перехода количества в качество”, речь идёт в различных ситуациях о совершенно разных процессах. Например, об изменении скорости движения молекул внутри рассматриваемого объекта, в результате чего меняется сам рассматриваемый объект. И о количественном увеличении самого объекта, однотипных предметов, в результате чего появляется новая возможность его использования в социуме. То есть в первом случае речь идёт об изменении самой структуры и природы объекта, а во втором – лишь о возможном новом использовании. Можно найти еще большое множество иных процессов, сводимых к этому “единому закону”. Но мы видим, что речь не о каком-то одном “законе”, но о большом количестве разных “законов”. Чтобы свести их воедино, нужно использовать различную трактовку этих “единых законов”. Для чего используются и неопределенные многозначимые термины-омонимы, которые диалектика использует без чёткого определения, что позволяет подменять значение не только самих “законов”, но и отдельных используемых терминов. То есть в диалектике, на самом деле, отсутствуют какие-либо чёткие “законы” и теории. Всё, для чего годится диалектика – подгонка задним числом уже свершившихся фактов под “законы диалектики”, путём взаимоисключающих трактовок “законов” диалектики и использования различных слов-омонимов под видом какого-то единого термина. Такая произвольная интерпретация самими диалектиками собственных “законов” служит доказательством не научности, но лженаучности диалектики.

3) Естественно, что диалектики не смогли осуществить таким образом ни одного достойного анализа и верного прогноза. Все прогнозы диалектиков оказались ошибочными, что не мешает диалектикам задним числом оправдывать ошибочность прогнозов и пытаться доказать, что они вовсе не ошибочны, что всё еще впереди. Просто на пути к предсказанному диалектики предсказывают всё новые и новые стадии. Основываясь в этом не на прогнозе будущего, а на объяснении прошлого. Так, Карл Маркс предсказывал, что современный ему промышленный капитализм является последней стадией, предвестником социализма. Затем, в вышедшем спустя полвека третьем томе “Капитала”, Маркс предсказывал уже, что переходным к социализму являются акционерные общества, которые упраздняют частную собственность

и создают собственность общественную. Спустя десятилетие, когда акционерные общества образовали монополии, марксисты не отказались от предсказаний Маркса насчёт промышленного капитализма и акционерных обществ, но Гильфердинг и Ленин объясняли, что монополии и есть тот самый переход к будущему обществу, достаточно передать их под контроль государства социалистов. И таким образом, со времен Маркса мы видим не пересмотр основных предсказаний Маркса, но лишь объяснения задним числом того, почему они не сбылись, отыскание в прошедшем новых стадий на пути к предсказанному.

4) Аналогичным образом, диалектика не является "научным методом" и в самой науке. Сам подход диалектики глубоко антинаучен. Отрицая логическую индукцию, которая делает обобщения на основании множества схожих фактов и предполагает возможные закономерности, диалектика вводит собственную индукцию, которая делает обобщения на основании одного "первого и самого простого" факта, либо на основании множества разрозненных, не схожих между собой фактов и процессов. И эти обобщения, в отличии от логической индукции, не предполагаются как возможные закономерности, но утверждаются как абсолютно достоверные "всеобщие законы развития". Однако выводить точные "законы" на основании индуктивного обобщения – неверно и антинаучно. Как неверно использовать индукцию для обобщения совершенно различных, не имеющих между собой ничего общего фактов и процессов. Диалектика на словах отрицает индукцию как метод, а на деле пытается её же использовать, но делает это абсолютно неправильно и антинаучно.

5) Здесь стоит отметить и глубоко антинаучную основу диалектики и рассматриваемых ей примеров, полную некомпетентность диалектиков в каких-либо науках – точных, как логика и математика, естественных, как биология, или социальных, как экономика.

6) Естественно, что все научные открытия совершаются при помощи не "научного метода диалектики", но действительного научного метода, предполагающего эмпирические наблюдения и опыты, и индукцию. Диалектика, отрицая сам научный метод и его инструменты, не совершив каких-либо научных открытий, тем не менее осмеливается заявлять, что на самом деле все научные открытия, сделанные отвергаемым научным методом, принадлежат ей – диалектике.

7) Диалектика отрицает практический опыт, эмпирические наблюдения, эксперименты и факты, подменяя их философскими рассуждениями.

8) Диалектика отрицает сами основы логики и математики, которые являются самим фундаментом научного знания.

9) Диалектика отрицает закон непротиворечивости, который утверждает, что два взаимоисключающих утверждения не могут быть верными одновременно. Вместо этого диалектика утверждает желательность противоречий и ложность непротиворечивого.

10) Отрицая логику, закон непротиворечивости и эмпирический опыт, диалектика не считает нужным согласовывать теорию с фактами, с реальной жизнью. Более того, диалектика утверждает, что несовпадение теории с фактами, логические противоречия в самой теории желанны и служат подтверждением её истинности, так как во всём в мире содержится противоречие. И несоответствие теории фактам, логике и противоречивость её сама себе есть лишь отражение фактических противоречий.

Таким образом, теория, соответствующая фактам, логике и не противоречащая сама себе должна быть признана ложной, как игнорирующая фактические противоречия.

11) Диалектика не соответствует никаким критериям научной теории – ни верификации, ни принципу фальсифицируемости.

12) Если мы возьмём любой "всеобщий закон диалектики" в каком-либо определенном, чётком определении и толковании, то он окажется ошибочным и далеко не "всеобщим". Однако как раз ошибочность "закона", его несоответствие фактам и служит в диалектике подтверждением истинности теории. А в разных ситуациях, к тому же, одними и теми же диалектиками один и тот же "закон" может использоваться в различных трактовках. Таким образом, достигнут полный иммунитет к критике. Если диалектика критикуется – то только из неправильного понимания положений и терминов. Если термины и положения критикуются – они могут быть доказаны любым примером путём различных трактовок и интерпретаций закона и жонглирования терминами. А если вдруг закон где-то не соответствует действительности – то это лишь подтверждает его.

13) Отказ от критики. Диалектики мыслят свою теорию непогрешимой, законченной, окончательно верной. В виду расплывчатости формулировок и терминов, используемых диалектикой, диалектики способны уклониться от любой критики тем, что "вы неправильно понимаете диалектику". Однако сама расплывчатость формулировок и терминов означает как раз ненаучность диалектики. А неспособность самих диалектиков (за исключением маоистов) чётко формулировать собственные теории и термины лишь подтверждает ненаучность диалектики. Кроме того, критика и обсуждение являются важнейшими условиями действительного развития теории. Отказываясь от них, диалектика отказывается и от развития.

Таким образом, мы можем констатировать глубокую антинаучность диалектики. А следовательно, и самого марксизма, который является лишь попыткой перенесения диалектики в плоскость историческую, экономическую, политическую и социальную. При том подобная метафизика, которой является диалектика, могла быть оправдана для своего времени, когда еще не существовало столь развитого научного метода. Не только марксизм, но и анархизм начинал с диалектики. Более того, именно анархизм привнёс диалектику в социализм. Различные течения анархизма так или иначе начинали как диалектические – Прудон, Штирнер, Бакунин. Однако к концу XIX века развитие науки и научного метода подтолкнуло Петра Кропоткина к использованию его в анархизме вместо диалектики. С этим, надо полагать, связан тот факт, что научный анархо-коммунизм внутри анархизма вытеснил диалектические варианты анархизма Прудона, Штирнера и Бакунина, и преобладал вплоть до уничтожения массового анархистского движения ко второй мировой войне.

И если мы рассмотрим подходы Кропоткина и Маркса, мы убедимся в том, насколько анархо-коммунизм был более научен, по сравнению с диалектическим материализмом, который ставил "основным вопросом философии" первичность разума или материи. Марксизм, хоть и был близок к преодолению этого противоречия, совершенно правильно утверждая первичность бытия и определенность им сознания, так и не сумел преодолеть этот ложный "основной вопрос". Во многом, виной этому не недостатки марксизма, а ограниченность научного знания в период формирования марксизма, с дальнейшим догматическим отношением марксистов к

тем неполным установкам, на которых и строился первоначальный марксизм. Марксистское понимание материализма было прогрессивно для своего времени, но еще стояло на философской, а не научной основе. Между тем, сегодня наука уже достаточно далеко продвинулась в изучении сознания, чтобы можно было делать выводы о материальности сознания. Нет никакого противоречия между материей и сознанием, поскольку сознание тоже материально. Сознание есть результат взаимодействия множества систем человеческого организма, и мы можем изменять это сознание материальным путём. На сознание влияет любая мелочь, материально соприкасающаяся с нашим организмом – алкоголь или наркотики, еда, которую мы едим, воздух, которым мы дышим, множество микроорганизмов в нашем организме… С развитием нейронаук или искусственного интеллекта, вряд ли можно говорить о том, что сознание является чем-то иным, чем аспект бытия, сложная материя. Это нивелирует сам поставленный Энгельсом "основной вопрос философии". К тому же, в марксистском материализме обнаруживается множество неточностей и ошибочных представлений. Например, о том, что сознанием обладает исключительно человек, для животных же оно не свойственно. Это также полностью опровергается наукой – многие животные обладают теми или иными характеристиками, определяемыми как сознание. Некоторые же обладают большинством из них (дельфины, врановые птицы) или даже всеми (человекоподобные обезьяны). Признаки сознания у животных были описаны еще в том же XIX веке анархистом Петром Кропоткиным в его произведении "Взаимопомощь как фактор эволюции", где исследуется, помимо прочего, сознательная деятельность животных. В этом вопросе, как мы видим, позитивистский анархизм еще в XIX веке оказался гораздо более научен, чем диалектический марксизм.

Марксизм, в отличии от анархизма, так и не сумел преодолеть диалектику. Более того, он вовсе объявил диалектику за собственную основу, уравняв марксизм с диалектикой. В дальнейшем развитие марксизма осуществлялось не благодаря, а вопреки диалектике. Так, например, когда к началу XX века стала очевидной несостоятельность диалектических предсказаний Маркса, в марксизме начался сильный крен к пересмотру, ревизии самых своих основ. Спастись марксизм сумел вовсе не на основе применения диалектического метода, но благодаря теории империализма, которую разработал британский левый немарксистский экономист Джон Гобсон. Некоторые марксисты сумели талантливо приспособить теорию империализма к марксистской теории. Стоит отметить, прежде всего, Розу Люксембург, Владимира Ленина и Рудольфа Гильфердинга. Однако Гильфердинг, первым создавшим сильную марксистскую теорию империализма и финансового капитала, подвергся критике со стороны ортодоксальных диалектиков как раз за отход от диалектики и применение логики. Как писал советский гуру диалектики:

> "Судьба Р. Гильфердинга и Г. Кунова в этом отношении очень характерна. Политэкономия Маркса, поскольку ее пытались разрабатывать не с помощью диалектики, а с помощью "новейших" логических средств, с неизбежностью вырождалась в поверхностное классифицирующее описание современных экономических явлений, то есть в их совершенно некритическое принятие, в апологию".

Роза Люксембург, осмыслив процессы империализма, подвергла критике самые основные теории Карла Маркса, за что подверглась травле со стороны ортодоксальных марксистов. Лишь Владимир Ленин, будучи "ортодоксом", сумел избежать этой травли. Но во многом его работы по империализму, более поздние, чем у Гильфердинга, основываются на его работе "Финансовый капитал". Кроме того, в будущих разделах о марксистской политэкономии и политическом марксизме мы сможем увидеть и ошибочность ленинских выводов. Можно отметить попытку российского марксиста Александра Богданова и нескольких других большевиков перевести марксизм на научные рельсы позитивизма, которая встретила ожесточенный отпор догматически настроенных марксистов, прежде всего – Владимира Ленина. За свою ересь Богданов подвергся травле и был выведен из руководящих органов партии. Таким образом, марксизм остался на абстрактно-философских, антинаучных позициях. Впрочем, на беду марксизма, во времена Богданова в позитивизме господствовала его идеалистическая версия – эмпириокритицизм. Что позволило критиковать весь позитивизм как крайний идеализм.

Позитивизм не остался в долгу. В ходе развития позитивизма диалектика была раскритикована одним из наиболее влиятельных представителей постпозитивизма Карлом Поппером, подчеркивающим важность критического мышления. В своей работе "Что такое диалектика" Поппер критикует её с научных позиций, отмечая, что огромные претензии диалектиков не имеют под собой никаких оснований, кроме туманной и неопределенной манеры их речи. Поппер отмечает, что диалектика способствовала

> "превращению марксизма в догматическую систему, поскольку препятствовало тому научному развитию, на которое, возможно, марксизм был способен. Поэтому марксизм сохранял догматическую установку десятилетиями, повторяя своим оппонентам в точности те доводы, которые с самого начала использовали его основатели. И печально и поучительно наблюдать, как нынешний ортодоксальный марксизм официально рекомендует в качестве основы научной методологии гегелевскую «Логику» – не просто устаревшую, но представляющую собой типичный образец донаучного и даже дологического мышления. Это хуже, чем пропагандировать Архимедову механику в качестве основы для современного инженерного дела.
>
> Все развитие диалектики должно предостерегать нас против опасностей, неотделимых от философского системосозидания. Оно напоминает нам, что философия не должна быть основанием для каких бы то ни было научных систем и что философам следует быть гораздо скромнее в своих притязаниях. Было бы чрезвычайно полезно, если бы они обратились к исследованию критических методов науки".

19. На чём должна основываться революционная теория?

Каков должен быть метод формирования революционной теории, если мы отрицаем диалектику? Можно согласиться с основой диалектики, с утверждением, что всё в этом мире нужно рассматривать не как застывшую систему в вакууме, но как процесс, развивающийся в логике не только внутренних противоречий, но и в сочетании со всеми прочими процессами в этом мире. Это положение абсолютно верно и необходимо для любого добросовестного анализа. Важность противоречия внутри происходящих процессов тоже является верным положением. Но нужно чётко понимать, что мы имеем в виду под противоречием в этом случае. Не “любое различие” как в маоизме, не взаимоисключающие положения, не всё, что нам будет угодно и удобно в данный момент, как в “классической” диалектике. Ближе всего к верному пониманию противоречия стоит ленинское определение как противоположных тенденций, если очистить его от диалектически-демагогических положений. Мы имеем в виду именно социальное противоречие, противоположные враждебные друг другу тенденции внутри человеческого социума, которые в борьбе друг с другом определяют будущее развитие общества. Например, противоречие между богатыми и бедными в афинских полисах, то или иное разрешение которого в борьбе определяло дальнейшее развитие полисной системы. Или противоречие между рабочим и капиталистом или двумя различными капиталистами, каждый из которых заинтересован в повышении собственной доли прибыли (или зарплаты) в ущерб доли прибыли другого. Под социальным противоречием мы можем понимать противоположные, враждебные, зачастую взаимоисключающие интересы различных социальных групп. Но мы не можем согласиться с тем, что взаимоисключающие противоречия (тем более, в столь широкой трактовке, как в диалектике) есть основа любого предмета, любого явления. Мы не можем согласиться с диалектическим принципом логического противоречия и объяснения через фактическое социальное противоречие противоречия логического, несоответствия теории фактам. Тем более, нельзя согласиться с принципом полярности – зачастую противоречия не полярны, не составляют сугубо два лагеря, но гораздо более разнообразны. И далеко не все противоречия настолько взаимоисключающие, что можно обозначить их как полярные. Скорее, здесь можно согласиться с маоистской трактовкой о том, что противоречия в обществе носят различный характер, и далеко не все представляют из себя абсолютно враждебные друг другу процессы, разрешаемые сугубо в борьбе. Противоречия разнообразны и разрешаются различным способом, и было бы догматизмом сводить все противоречия или способы их разрешения к неким “всеобщим законам” – вместо этого надлежит добросовестно изучать происходящие процессы

и заложенные в них противоречия, не оглядываясь на “всеобщие законы”, и выводя конкретные социальные закономерности.

На этом, пожалуй, здравое зерно диалектики заканчивается. При познании и анализе мы должны пользоваться не диалектикой, не её “всеобщими законами”, не её испорченной индукцией и не подменять эмпирический опыт философскими размышлениями. Логика, изучение конкретных фактов, правильное применение индукции (осторожное обобщение из множества схожих фактов предположительных закономерностей, а не вывод из “первого и простого” факта железных “законов развития”), критическое изучение и переосмысление социальных наук, различных общественных систем, революционного опыта и теорий – вот тот путь, которым должна строиться современная революционная теория.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Народная Самооборона
Имеет ли марксизм научную основу? Анархистская критика диалектики
2010е

веб архив
НС признана террористами/экстремистами и так далее

ru.anarchistlibraries.net